

Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери в г. Юже
Шуйской епархии Русской православной церкви (Московский патриархат)

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ альманах

Выпуск 10

к 455-летию первого письменного
упоминания села Мордовское

Иваново

2021

УДК 947.031.5
ББК 63.3(2Р-4)
П 463

П 463 Пожарский юбилейный альманах: Вып. 10 // к 455-летию первого письменного упоминания села Мордовское / Ред.-сост. А.Е. Лихачёв. – Иваново : ПресСто, 2021. – 128 с., 8 с. : ил.
ISBN

Выпуск №10 Пожарского юбилейного альманаха подготовлен в ходе реализации проекта «Лесная жемчужина» и её хранители, осуществляемого Приходом Смоленской иконы Божией Матери в г. Южно с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов. Грантовое направление проекта – сохранение исторической памяти. Объектом культурно-исторического наследия Южского района, на который был направлен проект, был выбран полуразрушенный храм Спаса Нерукотворного в с. Мордовское, со времени первого письменного упоминания которого (села) в этом году исполнилось 455 лет. Летом 2021 года группа волонтёров трудилась над подготовкой здания церкви к консервации, была восстановлена кровля алтаря и трапезной, благоустроена территория церковного кладбища. Но главным итогом понесённых трудов стала активизация волонтёрского труда в области сохранения исторической памяти о людях, живших на селе и молившихся в Спасской церкви (3 новых автора из числа мордовских волонтёров). Настоящий сборник имеет новый, особый раздел – «из истории села Мордовского», его издание поддержано Фондом, альманах распространяется благотворительно по культурным и образовательным учреждениям Южского района.

Традиционные разделы нашего альманаха остаются неизменными. Юбилейный раздел «Из истории села Мордовского» замещает собою обычный, «Из истории южской земли». В этом году археолог Н.Н.Грибов (институт археологии РАН, г. Москва) прислал для нас небольшую, но научно очень важную заметку о Нижнем Новгороде в эпоху раннего Средневековья, что позволило нам возобновить существовавший изначально раздел «Археология и раннее Средневековье». В разделе «Наши публикации» мы продолжаем публиковать не только рукописи, но и те документы, которые по причине маленьких тиражей являются труднодоступными для исследователей.

УДК 947.031.5
ББК 63.3(2Р-4)

В сборнике могут встречаться следующие сокращения:

ВГВ – Владимирские губернские ведомости
ВГСК – Владимирский губернский статистический комитет
ВЕВ – Владимирские епархиальные ведомости
ВСМЗ – Владимиро-Сузdalский музей-заповедник
ВУАК – Владимирская учёная архивная комиссия
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГРМ – Государственный Русский музей
МОИДР – Московское общество истории и древностей Российской
ОИДР – Общество истории и древностей Российской
ОР ГГГ – отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
ЯГВ – Ярославские губернские ведомости.

 ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Штрих-код

© Текст авторского коллектива, 2021
© Составление. А.Е. Лихачёв, 2021
© Оформление. ООО «ПресСто», 2021

Предисловие

Настоящий выпуск № 10 Пожарского юбилейного альманаха появляется благодаря поддержке Фонда президентских грантов. Наш Приход Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа в феврале-марте разработал проект-программу «Лесная жемчужина», согласно которой мы начали работу по систематизации и последовательному сохранению культурно-исторического наследия нашей земли, родины народных художественных промыслов.

Народ, живший в низовьях Клязьмы (и на стыке с нею малых рек Люлеха, Тезы и Луха) и Оки, хотя и крестьянствовал, как это было заведено, но уже с конца XVII века стремился на оброк – почвы у нас бедноваты, да и климат, по сравнению с югом России, посуровее. При этом народ в этих лесных краях был не только трудолюбивый, но и богомольный, набожный, – через каждые 10-12 вёрст храм стоял. Люди стали жить ремеслом, но ремеслом – особым. Вот в этих условиях проявилось удивительное духовное лицо русского человека – он стал создавать нечто, отражающее его ощущение Горного мира, к которому он всегда стремился, создавать образы небесной красоты. Это выразилось в интенсивном развитии НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ, начиная с иконописания в Холуе, о чём есть сведения середины XVII века, и вплоть до художественных традиций сёл Палеха, Мстёры, Павлово, Городца (на Волге, недалеко от впадения в неё Оки). До самой культурной революции начала XX века это были промыслы, связанные с благоукрашением храмов и христианских жилищ. Хотя эти традиции видоизменились в советский период, в особенности в своём идейном содержании, но художественные школы сохранились. Но вот в наше «либеральное» время, когда сами эти населённые пункты столкнулись с угрозой вымирания, с крайним снижением уровня культуры и воцарением меркантильности в обществе, художественные традиции русских сёл нашего лесного края требуют поддержки и целенаправленного сохранения.

Основой всей этой деятельности должно стать, прежде всего, углубление веры, опыта переживания красоты Божиего мира, усвоение художниками церковной культуры и традиции. Этому мало будет способствовать простое увеличение числа храмов или их доступности, нет, необходимо ясное, доступное изложение мироприемлющей позиции христианского мироощущения, популяризация христианского подхода как «творческой закваски» художественного всплеска русского искусства в XIX веке. Больше того, мастерам надо дать возможность попробовать себя, своё мастерство в русле живой художественной деятельности на ниве церковного искусства. Для этого мы и выступили с перспективной многолетней программой «Лесная жемчужина».

Конечно, это только почин, который не может состояться без включения в это многостороннее дело множества энтузиастов, но очень важно, чтобы деятельность многих была скординирована в общем направлении. На настоящий момент уже немало усилий приложено и к тому, чтобы восстановить и сохранить полуразрушенные храмы, популяризировать творчество художников-миниатюристов, но пока это всё – хаотично. Мы считаем, что для изменения ситуации

надо, прежде всего, составить единую краеведческую информационную базу, выделить задачи и последовательность их выполнения, затем объединить энтузиастов в единое «волонтёрское» движение и начать планомерно эти задачи выполнять. Географию, пожалуй, не стоит ограничивать, ведь Южа – это только географический центр целого ряда тех вышеназванных селений, где процветали в своё время народные художественные промыслы – Палех, Мстёра, Холуй; даже Шуя, Городец и Павлово могут быть отнесены сюда, к области среднерусских художественных промыслов.

В качестве «пилотного проекта», который призван положить начало осуществления нашего общего большого дела, мы предложили взять конкретный памятник, нуждающийся в срочном спасении – Спасскую церковь с Казанским приделом в с. Мордовское Южского района (1805-1813 гг. постройки), и вокруг dela его консервации построить работу по восстановлению исторического сознания как местных жителей, прежде всего молодёжи, так и выходцев или их потомков, живущих в других городах. Проект назвали «Лесная жемчужина и её хранители», он получил поддержку Фонда президентских грантов и рассчитан на срок до декабря 2021 года. Отрадно, что в ходе самого дела нашлись энтузиасты, которые потрудились ради восстановления исторической памяти, благодаря чему в настоящем сборнике появился целый новый раздел «Из истории села Мордовского».

Хочется выразить благодарность всем, принявшим активное участие в спасении Спасской церкви: учащимся холуйской, южских (и даже московских) школ, всё лето проработавших на объекте, местным жителям, студентам холуйского филиала. Особая благодарность предприятиям Ивановской лесопромышленной компании и «Палехский иконостас», благодаря пожертвованиям которых (пиломатериалами) мы сумели в условиях скачка цен почти полностью (на 67%) выполнить поставленные задачи по консервации храма и даже сделать задел для продолжения работ в 2022 году.

Уже разработан и подан на 1-й конкурс Фонда 2022 года проект-продолжение – «Жемчужата», который предполагает создание волонтёрского движения по сохранению исторической памяти. В проект в качестве основной задачи включено создание сайта «Лесная жемчужина» с каталогом объектов культурно-исторического наследия и онлайн-дневником волонтёрского движения. Главным материальным итогом нового проекта должно стать появление в Юже уличной выставочной галереи, на базе которой можно будет не только проводить народные конкурсы художественных работ, но и пробовать свои силы молодым художникам. Но при этом мы надеемся на получение иного, гораздо более важного результата – наше сплочение как народа в благородном деле сохранения святынь наших предков, русской культуры в целом. Надеемся на Ваше участие. Ваши предложения и отзывы, как об этом альманахе и его материалах, так и по проекту «Лесная жемчужина», Вы, дорогие читатели и энтузиасты, можете присыпать по э/адресу: forest-pearl@yandex.ru

Священник Алексий Лихачев, автор проекта «Лесная жемчужина», настоятель Свято-Смоленской церкви в г. Юже, кандидат богословия

Раздел I

Археология и раннее средневековье

Н.Н. Грибов

XV век в истории Нижнего Новгорода: кризис и его преодоление

Нижний Новгород – один из крупнейших городов нашей страны. Он был основан в 1221 г.¹. До недавнего времени представления о его средневековой истории основывались только на немногочисленных и кратких упоминаниях в летописях и актах.

Связанные с ним исторические труды посвящены, главным образом, местной политической истории, изучению механизмов включения города и его земель в административную структуру великого Московского княжества.

Сведения, позволяющие воссоздать облик, топографию, размеры самого средневекового города, в письменных источниках отсутствуют. Наиболее отчётливо скучность источников базы проявляется в феномене двух, различаемых в середине XV в., Нижних Новгородов – «старого» и Нового^{2,3}.

В последнее десятилетие XX в. в Нижнем Новгороде начались активные археологические исследования и сейчас, благодаря им, облик средневекового города на устье Оки предстаёт перед нами несколько более осозаемо, чем раньше. Однако, новое знание породило и новые вопросы.

Выяснилось, что в городском культурном слое имеется отчётливая лакуна, соответствующая промежутку середины – второй половине XV столетия⁴. Вместе с тем, в великонояжеских сводах и в других летописных памятниках сохранились тексты с упоминанием Нижнего Новгорода этого времени. Самые известные из них связаны с походом большого русского войска в Казань в 1469 г., с путешествием тверского купца Афанасия Никитина. Эти и некоторые другие летописные известия привели некоторых исследователей к убеждению в том, что Нижний Новгород в XV в. являлся одним из крупнейших русских городов⁵.

Анализ всего имеющегося сейчас исторического материала позволяет предложить новый взгляд на облик города этого времени⁶. В его основе – непротиворечивое согласование данных археологии со сведениями из письменных памятников.

Нижегородский кремль. Фундамент Зачатьевской башни. XVI в.

И археология и письменные источники указывают на то, что накануне, во второй половине XIII–XIV вв., Нижний Новгород действительно представлял собой один из наиболее известных и больших городских центров Северо-Восточной Руси.

Определённые с помощью археологических методов размеры городской селитебной территории этого времени – около 90 га. По этому показателю Нижний Новгород близок гг. Москве (около 80 га), Твери (79–91 га), Переяславлю Рязанскому (116 га). К 70-м гг. XIV века в нём единовременно с Москвой начинается монетная чеканка, строительство каменного кремля, возводится три белокаменных храма. В 1374–1375 гг. в Нижний Новгород переносится епископия, а епископом Суздая, Нижнего Новгорода и Городца становится игумен нижегородского Печёрского монастыря Дионисий. В городе останавливаются восточные купцы и большие, в тысячу сабель, золотоордынские посольства. По находкам фрагментов импортной парадной посуды восточного происхождения Нижний Новгород опережает Москву, Великий Новгород, Тверь и другие русские города.

Первый удар по благополучию Нижнего Новгорода был нанесён ещё при активной поддержке нижегородских князей Москвой в 1377 гг., когда город был разграблен и сожжён татарами Мамая и мордвой. Намеченная этим событием политическая переориентация наследной нижегородской аристократии на восток стала предтечей кризисных явлений XV в. Суверенные правители окраинных Нижегородских земель, не отделённых сколько-нибудь значимой географической преградой от земель воинственных соседей, как и наследные владельцы окраинной Рязанской земли, нуждались в могущественных покровителях⁷. Конфронтация нижегородских князей с Москвойочно удерживала вектор основных политических связей Нижегородской земли в восточном направлении. Для Москвы противостояние с нижегородскими князьями было частью противостоя-

ния с Золотой Ордой. Разменной монетой в этой борьбе стал окраинный Нижний Новгород. География распространения монетных кладов показывает, что обеспеченное трудом местных хлебопашцев, рыбаков и ремесленников нижегородское серебро массово уходило из региона в улусы Золотой Орды вместе с воинами, нанятыми на ратную службу нижегородскими князьями⁸. Реализованная нижегородскими князьями управленческая модель с опорой на скромные экономические возможности порубежных малолюдных земель и поддержку стремительно утрачивающих своё влияние золотоордынских правителей была обречена на провал. Кризис, породивший «хиатус» в городских культурных напластованиях, во многом был предопределён судьбой Золотой Орды.

Включение города в систему налаженной владыками Волжского царства (как называли Золотую Орду составители летописных текстов XIV–XV вв.) трансконтинентальной торговли, очевидно, стало основой его богатства и известности в XIV в. Разрушение Тимуром в середине 90-х гг. XIV в. крупнейших на нижней и средней Волге торговых и ремесленных городских центров, перенос главных маршрутов международной торговли в морские акватории, очевидно, пагубным образом сказалось и на состоянии поволжского города при окском устье. Утрата привлекательности Нижнего Новгорода для торговых людей, вероятно, стала главной причиной задержки его восстановления после военных катастроф 1377, 1408 гг. Ко времени прихода под Нижний Новгород зимой 1445 гг. орды хана-изгоя Улу-Мухаммеда для обеспечения городской обороны уже не было ни надёжных укреплений, ни людских ресурсов. Лучшие сельхозугодья запустили, на что указывает завершение функционирования подавляющего большинства крупных сельских поселений Нижегородской округи к середине XV в. Многие из местных носителей земельных прав к этому времени, вероятно, погибли, либо навсегда покинули свои «отчины».

После окончательного оформления присоединения Нижнего Новгорода к землям Московского княжества главным мероприятием верховной власти, стала организация мощного миграционного потока в Нижегородское Поволжье. Этот ход стал решающим на пути формирования нижегородской служилой корпорации и преодоления «эпохи запустения», отражённой в культурных напластованиях Нижнего Новгорода.

Закрепление великолукской власти в Нижнем Новгороде предполагало создание в нём нового ядра городской застройки в виде автономного укреплённого поселения, удалённого от исторического центра. Новым средоточием городской жизни при нашествии Улу-Мухаммеда, очевидно, был летописный Нижний Новгород «меньшой» (или Новый), превратившийся тогда, в 1445 г., в главный центр городской обороны. Возобновление застройки в историческом центре города фиксируется только с рубежа XV–XVI вв., что свидетельствует о том, что основная селитебная территория, соотносимая с Нижним Новгородом середины – второй половины XV в., всё это время могла располагаться за его пределами.

При обследовании территории предместья средневекового Нижнего Новгорода был обнаружен памятник, который может претендовать на роль летописно-

го Нижнего Новгорода меньшего середины XV в. Это городище Городок⁹. Проведённые на нём археологические раскопки указывают на то, что жизнь на этом, сравнительно небольшом, укреплённом поселении активно протекала как раз во время запустения Нижнего Новгорода. Особенности памятника позволяют поставить его в один ряд с осадными городками Пермской земли и другими поселениями, основанными московскими наместниками для организации управления в присоединённых к Москве землях. Следы усадебной застройки, связанной с проживанием профессиональных воинов, находки предметов вооружения, монет, железных стилей, специфика местного хозяйства, предполагающая, скорее, поставки продовольствия, нежели его производство местными жителями – всё это позволяет увидеть в нём остатки административного центра Нижнего Новгорода середины – второй половины XV в.

Дальнейшее развитие города пошло по пути восстановления его исторического центра. На рубеже первых двух десятилетий XVI в. детинец средневековой нижегородской крепости был охвачен стенами кирпично-каменной цитадели – Нижегородского кремля. Исчезла необходимость в поддержании небольшого предместного городка. Нижегородский опыт освоения вновь присоединённых территорий, вероятно, был использован московскими служилыми людьми при продвижении в районы Среднего и Нижнего Поволжья, Прикамья и Приуралья.

Пятнадцатое столетие стало переломным в исторической судьбе Нижнего Новгорода. Из богатой удельной столицы, принимавшей караваны восточных купцов, но в то же время способной стать лёгкой добычей конного отряда Мамая, он превратился в служилый город-крепость Московского государства с не-проступной кирпично-каменной цитаделью. Это превращение сопровождалось и сменой населения, нарушением традиционного облика местной материальной культуры.

Таким образом, археологические данные помогают воссоздать обстановку при которой проходило включение Нижнего Новгорода в структуру Московского княжества. Этот процесс протекал в форме нового освоения нижегородской земли, в значительной степени опустошённой к середине XV столетия.

-
- 1. Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том первый). М., 1997. Стб. 445.
 - 2. Софийская вторая летопись (Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2). М., 2001. Стб. 104.
 - 3. Ермолинская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том XXIII.). М., 2004. С. 151.
 - 4. Гусева Т.В., 1996. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 44, 45.
 - 5. Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV века. М., 1991. С. 25.
 - 6. Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М., 2018.
 - 7. Приселков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 181.
 - 8. Тростянский О.В. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. М., 2009. С. 43.
 - 9. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2. М., 2008. С. 129–131.

Раздел II

Вопросы биографии Д.М.Пожарского и истории Смуты

Д.М. Володихин

Значение Орловской битвы 1615 года

Смутное время не завершается ни 1612 годом, ни 1613-м. Москва освобождена, Земский собор поставил на престол русского царя, но восстановление страны от тяжёлого разорения всё никак не начинается. У стен столицы дважды ещё происходили большие сражения. Шведы, поляки, литовцы, казаки Заруцкого и бесконечные шайки других воровских атаманов раздирали страну. Трон шатался, горели города, вырезались сёла. Судьба России ещё несколько лет висела на волоске... Восстановление – настоящее, спокойное, мирное восстановление – началось не ранее 1619 года. Таким образом, после восшествия на престол Михаила Фёдоровича война шла без малого шесть лет.

Первое время лидер земского освободительного движения князь Д.М.Пожарский после воцарения государя Михаила Фёдоровича долгое время жил в почёте, но и в безвластии. Ему не давали ни высоких административных, ни военных поручений. По словам современного исследователя А.П. Павлова, «целый ряд признаков определённо указывает на то, что Д.М. Пожарский отнюдь не пользовался расположением и доверием со стороны царского окружения первых лет правления Михаила Фёдоровича («великой старицы» Марфы и семейства Салтыковых)»¹.

Однако в условиях непрекращающейся войны авторитет Дмитрия Михайлович и его боевой опыт являлись слишком ценным ресурсом, чтобы им пренебрегать. И меч князя Пожарского опять понадобился.

Дмитрия Михайловича чтили как «большого богатыря», военачальника, «искусного во бранех». И ему вновь предстояло сыграть роль, соответственную той высоте, на которую он взошёл ещё в Зарайске, которую не покидал ни во время «Страстного восстания» 1611 года, ни во время сражений с Ходкевичем 1612-го. Страна пылала ненадежностью, слабостью, усталостью. Армии рассыпались.

Полководцы избегали больших сражений. Ратники разъезжались по домам – да сколько можно воевать, в конце концов? А Дмитрий Михайлович не умел отступать. Он выполнял поставленную задачу, и никакая угроза не могла его поколебать в решимости довести дело до конца. Свалить, ранить, убить Пожарского – да, такое возможно: никто из нас не сделан из железа. Но заставить его бросить позиции – нет, такого не случалось. И только подобные ему воеводы могли расчитывать на успех в столь сложных условиях.

20 июня 1615 года князя отправили с небольшим полевым соединением под Брянск. Пожарский, вместе со вторым воеводой Степаном Ивановичем Исленьевым и дьяком Седьмым Заборовским, должен был разбить литовцев, недавно занявших город Карабёв.

Дмитрию Михайловичу дали подробнейшую инструкцию. Из неё легко увидеть: правительство испытывало скучность во всём – в хлебе, людях, припасах. Пожарскому ставили задачу отбить Карабёв, но с множеством оговорок. Опираясь, что при такой нехватке людских ресурсов он не наберёт необходимого числа людей, правительство разрешало ему при столкновении с сильнейшим неприятелем оставить активные действия и занять оборонительную позицию у Болхова. Дмитрию Михайловичу предлагали пополнять войско, забирая дворян, стрельцов и казаков из крепостных гарнизонов по пути следования его армии².

Армия Пожарского получила «лёгкий наряд», т.е. артиллерию, с помощью которой можно противодействовать врагу в чистом поле или же при осаде незначительных крепостей. Полководцу обещали дать солидные силы: порядка 7 тысяч бойцов, из которых 4.5 должны были составить полк самого Пожарского, а 2.5 – полк Исленьева. 3.35 тысяч дворян, 2.2 – татар, 750 казаков, 300 стрельцов и десяток иностранных наёмников. К нему на подмогу шла «казанская рать»: 500-700 конных дворян и стрельцов, 7.3 тысяч татар.³

Но... казанцы задерживались, а собрать предписанные силы не удавалось. У Пожарского был страшный недобор. В итоге под командой князя собралось

гораздо меньше людей, чем планировала Москва, а именно чуть менее 2000 ратников. Правительство Михаила Фёдоровича предпринимало отчаянные меры, борясь с бегством служилых людей. В сентябре 1615 года к воеводам на места была отправлена драконовская инструкция: «Которых городов с службы побежали и в тех городех беглецов бить кнутом по торгу, лутчих выбирая, а кого бывают, и они имена пришлют»⁴. Но набор войск всё равно шел с колоссальными трудностями.

29 июля полки Пожарского вышли из Москвы⁵. На юге-западе Пожарскому противостоял исключительно опытный и храбрый авантюрист полковник Александр Лисовский. Он пользовался огромным авторитетом у наёмников. За ним утвердилась репутация искусного полководца. Именно Лисовский взял Карабёв и осаждал Брянск, но безуспешно. Именно от его напора требовалась оборона.

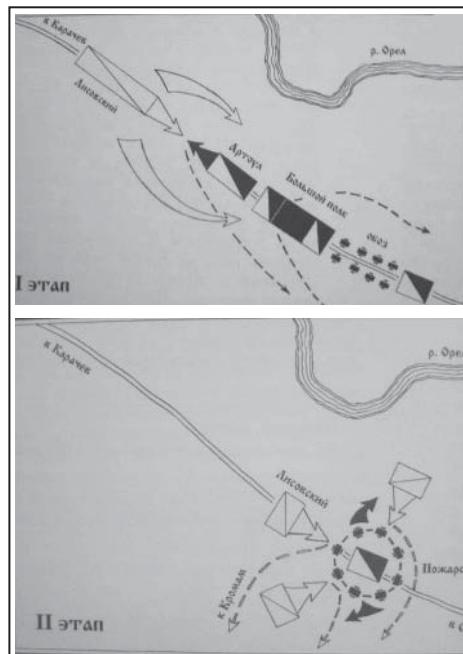
Пожарский, добираясь до Болхова, отовсюду присоединял к своему воинству малые отряды казаков, дворян, стрельцов. Приведя в Болхове пёстрые полки в порядок, он выступил на Карабёв. «Лисовский же, – сообщает летопись, – услышав, что идёт против него боярин, Карабёв выжег и пошёл верхней дорогой к Орлу. Князь Дмитрий Михайлович, услышав про то, пошёл наспех, чтобы занять вперед литовских людей Орловское городище. В воскресный день с утра пришли они оба вдруг. Впереди же шёл в ертоуле Иван Гаврилович Пушкин, и начал с ними биться. Люди же ратные, видя бой, дрогнули и побежали назад, так, что и сам воевода Степан Исленьев и дьяк Семой с ними бежали. Боярин же князь Дмитрий Михайлович Пожарский с небольшим отрядом с ними бился много часов, едва за руки не взявшись бились».⁶

Именно об этой стадии боя Бельский летописец сообщает: «Лета 7124-го (1615) в осень царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии был бой под Орлом воеводам князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому да Степану Исленьеву и его государевым ратным людем с паном с Лисовским и с польскими и с литовскими людми, и с рускими воры, с ызменники, с казаками, которые ворвали и кровь християнскую лили заодно с литовскими людми и забыв Бога и веру християнскую. И на том бою пан Лисовской с польскими и с литовскими людми и с рускими с воры государевых воевод и ратных людей побили, а князь Дмитрий Михайлович Пожарской з досталными людми отсиделся в обозе, а Степан Исленьев с того бою, покиня обоз и ратных людей, побежал».⁷

Пожарский применил тактику, успешно использованную им в боях за Москву 1611 и 1612 годов. Малый отряд его усталых воинов огородил свою позицию ворами, создав, таким образом, небольшую крепость. Теперь бойцам Лисовского предстояло её штурмовать. А защитники открыли убийственный огонь. Наткнувшись на укрепление, встретив ливень свинца, люди полковника утратили наступательный порыв. Боевой дух разом испарился – понеся потери, «лисовчики» не желали вновь лезть в драку. Бой с ратниками Пожарского обошёлся им одними пленными в три сотни бойцов (по другой, более достоверной версии, 30, а не 300). Убегая из-под русского огня, «лисовчики» бросали знамёна и литавры. Их

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский

«Орловский бой», 1615 г.

вождь почёл за благо отойти на две версты от русских позиций. Поле боя осталось за Пожарским.

Дмитрий Михайлович понимал, сколь рискованно его положение. Большая часть русских бойцов ушла, не выдержав первого натиска «лисовчиков». «Осталось с князем Дмитреем, — сообщают документы, — людей жилецкая сотня да дворянская, да дворян из городов не помногу, да человек сорок стрельцов». К ним следует добавить ещё несколько наёмников-англичан, честно выполнивших тогда свой долг. Казаки, как водится, удрали с поля боя. Воинские головы, т.е. младшие офицеры удержавших позицию сотен, были: Иван Гаврилович Бобрищев-Пушкин, Григорий Горихвостов и Лаврентий Кологривов. Бой недёшево стоил войску Пожарского: Горихвостов получил ранения, а вместе с ним ранен был находившийся в войске служилый аристократ князь Никита Гагарин.

Оставшиеся упрашивали воеводу: «Отступи к Болхову! Нас осталось 600 человек, а их — две тысячи». Но Пожарский «...им отказал, [говоря] что [надо] помереть всем на сем месте. Такую в тот день храбрость московские люди показали: с такими многочисленными людьми малочисленным отрядом сражаясь!» — восхищался летописец⁸. И тут есть от чего прийти в восторг. Полководец своим личным примером остановил бегство армии, затем перегруппировал силы и отбросил неприятеля! Стоя лицом к лицу с более сильным отрядом, он предпочёл смерть отступлению. И люди, оставшиеся с ним, поверили в своего начальника, не покинули его.

Это одна из красивейших, благороднейших страниц Смуты, вообще говоря, небогатой проявлениями чести и правды.

Сам Лисовский докладывал о сражении с армией Дмитрия Михайловича совершенно иначе. Его будто бы застали врасплох, неоднократно атаковали, но не смогли разбить.⁹

Скорее всего, столкновение двух армий оказалось неожиданным и для Пожарского, и для Лисовского. Первый этап — свалка, долгая, беспорядочная, кровавая. Тогда и ушёл Исленьев, тогда и разбежалась значительная часть русского войска. Но затем Лисовский собрался с силами, чтобы нанести решающий удар и... разбрёлся об укреплённую позицию, о чём докладывать не стал. Сам Лисовский получил ранение стрелой в ногу, в людях его обнаружилась после боя серьёзная убыль: 120 убитых и раненых, 30 человек попали в плен.

К вечеру (то ли, по другим сведениям, на следующий день) Исленьев и Заборовский сумели остановить бегство своих людей, пристыдили их и вернули в лагерь Пожарского. Теперь уже Лисовский оказался в сложном положении. Перед ним стояли превосходящие силы противника, притом ободрённые своей победой и почувствовавшие вкус неприятельской крови. Столкнувшись с отрядами Лисовского, Дмитрий Михайлович узнал, что значительная их часть состоит из западноевропейских наёмников. Зная неустойчивость наёмного войска и присущую ему жажду наживы, князь отправил в стан неприятеля грамоту, обещая неприятельским воинам «государево великое жалованье»¹⁰. Демонстрация уверенности в своих силах явилась средством морального давления на врага.

Сами же переговоры, как установил Ю.М. Эскин, завершились успешно. По его словам, «Пожарский узнал, что часть войск Лисовского — те самые ландскнехты, которые попали в Россию через Архангельск. За неимением лучшего, не взятые два года назад Пожарским на службу, «Яков Шав с товарищи» хотел теперь поживиться грабежом. Кн. Дмитрий вступил с ними в тайные переговоры и не ошибся в оценке их моральных качеств. Узнав о перспективе службы у царя, наёмники тотчас покинули Лисовского, у которого в результате действий Пожарского осталась половина войска».¹¹

Лисовский отступил, оставив прежний лагерь. Весь его отряд ушёл к Кромам. Орёл Лисовскому так и не достался.

...

Дальнейшие события развивались следующим образом: Пожарский, преследуя врага, и сам двинулся под Кромы. «Лисовский же, услышав о походе за собой воевод, отошёл от Кром, как разбойник, к Болхову, и пробежал днём и ночью полтораста поприщ, едва Болхов не захватив. В Болхове в ту пору воевода был Степан Иванович Волынский, и осаду крепкую имел в Болхове, и Лисовского от города отбил прочь. Лисовский же пошёл к Белёву. В Белёве же были воеводы князь Михаил Долгорукий да Пётр Бунаков и, услышав про Лисовского, покинули город, побежали в лес. Лисовский же пришел в Белёв, Божьи церкви и город и посад пожёг и из Белёва пошел к Лихвине. В Лихвине же был воевода Фёдор

Стрешнев с небольшим отрядом, и вышел из города, и с Лисовским бился, и к городу [Лисовский] не приступил. Он же [Лисовский] пошёл к Перемышлю. Воевода же и все люди покинули Перемышль, побежали в Калугу. Боярин же князь Дмитрий Михайлович Пожарский, услышав про Лисовского, что [он] встал в Перемышле, послал впереди себя наскоро в Калугу голов с сотнями; и пришли [они] в Калугу. Лисовский же, услышав, что пришли в Калугу ратные люди, в Калугу не пошёл. Боярин же с ратными людьми пришёл и встал в Лихвине, а сражаться с Лисовским не с кем»¹². У Лихвина преследование закончилось.

Отряд «лисовчиков», спаянный дисциплиной профессионалов войны, а ещё того больше – жаждой наживы, мог долго вести манёвренную войну. Русские правительственные войска – нет. Побыв несколько недель в поле, растратив запасы хлеба, не получив от казны должного обеспечения, дворяне просто уезжали в свои поместья, и только так спасались от голода. Казаки же разбредались по многочисленным разбойниччьим бандам. Лисовский имел неиссякаемый источник снабжения – грабежи. Пожарский мог рассчитывать только на законные поставки. И вот под Лихвином воевода сумел удержать при себе лишь ядро армии, совсем уж небольшое.

К счастью, на помощь Пожарскому подошла та самая «казанская рать» – большей частью, служилые татары. В сентябре 1615-го Дмитрий Михайлович двинулся к Перемышлю, и Лисовский вынужден был в спешке покинуть город. Уходя, он отметился в своём стиле – устроил пожар. Досадно сделалось ему: планировал сделать из Перемышля операционную базу, атаковать богатую Калугу¹³, и вот приходится бежать!

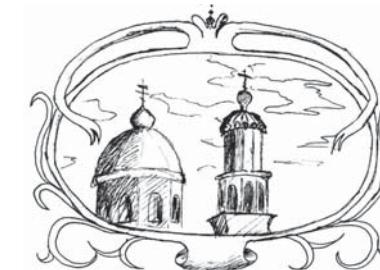
Дойдя до Перемышля, Пожарский почувствовал «болезнь лютую». Сказывались раны, полученные на Сретенке, в бою с поляками (1611). Сказывался ущерб, нанесённый его здоровью душегубами атамана Заруцкого (1612)... Больше вести войска князь не мог. Воевода разменял пленных с Лисовским и отправился в Калугу, послав своего родича, князя Дмитрия Пожарского-Лопату, гнать неприятеля дальше. Но без Дмитрия Михайловича он недолго сохранил контроль над армией – казанцы «побежали» домой. Дела нового командующего обстояли хуже не придумаешь: «Лопата шел по сакме [следу]. – Д.В.] за Лисовским к Вязме и, не дошед Вязмы, воротился и стал на Угре. И Государь велел Лопате-Пожарскому по вестям итти в Можаецк, и Лопата писал к Государю, что ратные люди с службы розбежались, а которые и есть и те бедны; и по государеву указу сам в Можаек не пошел. И Государь велел послать к казакам с жалованьем с денежным князь Петра княж Романова сына Борятинского; а Лопату велел посадить в тюрьму в Можаике».¹⁴

По словам современного исследователя А.В. Зорина, Орловское сражение может оцениваться по-разному: «Орловская битва обычно считается победой Лисовского... Согласно польским исследователям, Лисовский ушёл на Кромы только потому, что не видел смысла в дальнейшей осаде табора Пожарского. Однако, как видно из общего хода событий, победа Лисовского была в лучшем

случае неполной... О том, что сами лисовчики не ощущали себя победителями, говорит и факт последующего перехода части иноземцев на сторону Пожарского – служба в рядах московского войска показалась в тот момент наёмникам предпочтительнее. Однако оценивать результаты боя как победу Пожарского также будет явным преувеличением»¹⁵. Так что же, боевая ничья? Да, Лисовский разгромлен не был. Однако **«Орловское сражение принесло Пожарскому стратегический успех»**: его противник не только отступил с поля боя, от его разбойного воинства, от разграбления и пожаров действиями Пожарского было спасено несколько верных правительству городов. Как минимум, столь крупные центры, как Кромы и Калуга. «Лисовчикам» был нанесён серьёзный ущерб. Итак, это всё-таки победа Пожарского, пускай и не решавшая, а, так сказать, «по очкам».

Но когда воевода вышел из строя, не нашлось другого командира со столь же твёрдой волей, и армия распалась.

-
1. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. 1. СПб., 2019. С. 155–156.
 2. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Том III. № 28.
 3. Беляев И. Д. Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских, Книга 1. 1849. С. 31–32.
 4. Мордовина С.П., Станиславский А.А., Флоря Б.Н. Книга сеунчей 1613–1619. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы. Том I. Москва–Варшава. Археографический центр. 1995. С. 109.
 5. Дворцовые Разряды. 1612–1628. Том 1. СПб. 1850. С. 181.
 6. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 136.
 7. Бельский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 263.
 8. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910 С. 136
 9. Grala H. Przemerzyc Rosie sagonem // Mowa Wieku. 1998, №5. S. 23.
 10. Собрание государственных грамот и договоров. М. 1822. Том III. №29.
 11. Эскин Ю.М. Дмитрий Пожарский // Вопросы истории. 1976. №8. С. 115.
 12. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 136.
 13. Мордовина С.П., Станиславский А.А., Флоря Б.Н. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы. Том I. Москва–Варшава, 1995. С. 107.
 14. Дворцовые Разряды. 1612–1628. Том 1. СПб. 1850. С. 182.
 15. Зорин А.В. Лисовчики: Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени. М. 2017. С. 135.

Потомки князей Пожарских могут жить среди нас

Принято считать, что род князей Пожарских, знаменитых в истории России, центром родовых владений которых в XIV веке являлось село Троицкое Стародубского стана – нынешнее Троице-Никольское под Ковровом, а с середины XV века – Мугреево-Никольское под Южей, пресёкся по мужской линии в 1685 году. Именно тогда умер стольник царского двора бездетный князь Юрий Иванович Пожарский – последний из внуков спасителя Отечества в годы Великой Смуты начала XVII столетия Дмитрия Михайловича Пожарского. Генеалогия князей Пожарских насчитывает 57 представителей мужского пола в 9 поколениях со второй половины XIV до третьей четверти XVII веков. Последняя представительница знаменитого рода, родная сестра князя Юрия Евдокия Ивановна Пожарская, по мужу Боборыкина, умерла 5 декабря 1738 года. С той поры, казалось бы, не осталось никого, кто мог бы претендовать на титул «князей Пожарских».

Однако здесь как раз и начинается загадка. Ещё с начала 1800-х годов бытует версия, согласно которой род Пожарских отнюдь не прекратился. Сведения об этом содержатся в ряде серьёзных исторических трудов (в том числе в классической родословной книге князя Лобаново-Ростовского) и мемуарах конца XVIII – начала XIX столетий.

Суть сводится к следующему: у последнего в роду князя Юрия Пожарского законных сыновей действительно не было. Но от некоей «дворовой девицы» он имел внебрачного сына Федота, который из-за своего происхождения права на княжеский титул, разумеется, не имел, но фамилию получил отцовскую. Сын Федота Пожарского Евдоким получил место священника в селе Тума Сузdalского уезда (это село ныне входит в Юрьев-Польской район и его многие путают с Тумой, находящейся в Рязанской области). Вопреки расхожему мнению, в страну священниками нередко становились и дворяне, и даже князья. Например, известны случаи, когда в Новгородской епархии настоятелями церквей служили князья Вяземские.

Если полагать, что скромный иерей Евдоким Пожарский, скончавшийся где-то в конце 1730-х – начале 1740-х годов, ничего общего со знаменитыми князьями не имеет, то последующие события выглядят труднообъяснимыми. Сын

Древний родовой герб князей Пожарских

сельского батюшки Филипп Пожарский избрал светскую карьеру и поступил на военную службу. В то время сословная пропасть между провинциальным священником из небольшого села, затерянного среди сотен и тысяч подобных же селений, и благородным дворянским сословием была огромна. Помещики порой обращались со священниками немногим лучше, чем со своими крепостными, не гнушаясь наказывать их телесно, или жалуя деньгами, словно своих лакеев. Поэтому непросто понять, как Филипп Пожарский в царствование племянницы Петра I императрицы Анны Иоанновны был не просто принят в военную службу, но получил офицерский чин, и ни где-нибудь, а в лейб-гвардии Преображенском полку – в одной из наиболее элитных воинских частей!

Если он был правнук последнего князя Пожарского, состоя, пусть и в неофициальном родстве с князьями Черкаскими, Долгорукими, Куракиными (представители этих фамилий в XVII веке были женаты на княжнах Пожарских), то предпосылки его удивительной карьеры понятны. Если же считать Филиппа Пожарского лишь безродным однофамильцем угасшей княжеской династии, то его биография представляется совершенно фантастической.

При дочери Петра Великого императрице Елизавете Петровне Филипп Евдокимович дослужился в гвардии до майора (именно преображенцы возвели эту царицу на престол). При этом надо учитывать, что полковником Преображенского полка считалась сама государыня, а майорский чин в гвардии тогда был равен званию армейского генерала. Скорее всего, подобным высоким чином императрица Елизавета наградила Пожарского за участие в дворцовом перевороте, который сверг немецкую партию при дворе и сделал царицей дочь Петра I. Получается, что если князь Дмитрий Пожарский завоевал трон для первого монарха из Дома Романовых, то его возможный трижды правнук вернул престол правнучке царя Михаила Фёдоровича!

Кстати, муж родной сестры жены Филиппа Пожарского Яков Леванидов, помещик села Павловское Ковровского уезда, был обер-секретарём Святейшего Синода, занимая пост, почти равный министерскому. Если гвардии майор Пожарский не был потомком княжеских кровей, смог бы он войти в высший круг придворной аристократии?

Выходя в отставку в 1760-х годах, Филипп Пожарский, будучи в том числе и ковровским помещиком, проживал в своих имениях (откуда взялись имения у сына сельского священника?), а вскоре после учреждения Владимирской губернии в 1784 году даже был избран предводителем дворянства. Скончался он в 1786 или в 1787 году.

Сын и наследник Филиппа Александр Пожарский, тоже дворянин Ковровского уезда, поступил офицером в Кавалергардский полк – самый аристократический во всей русской армии. Дослужившись до экзотического чина генерала-провиантмейстера-лейтенанта, он скончался в 1802 году в возрасте 50 лет от водянки. Его супруга, Аграфена Алексеевна Безобразова, сестра сразу двух ковровских предводителей дворянства, будучи на 14 лет моложе супруга, вторично вышла

замуж. Избранником вдовы Пожарской в 1807 году оказался владимирский губернатор князь Иван Михайлович Долгоруков, который фактически стал приёмным отцом и опекуном детей своей жены от первого брака – Филиппа и Алексея Пожарских.

Безобразовы принадлежали к одной из наиболее древних и состоятельных фамилий Владимирской губернии, а о происхождении и знатности князя Долгорукова и вовсе говорить не приходится. Опять получается, что внук и правнуки сельского священника запросто родятся с аристократами? Или Безобразовы и Долгоруков воспринимали Пожарских как почти князей, лишь по историческому недоразумению утративших свой титул?

А дальше произошло событие и вовсе символическое. Накануне открытия памятника Минину и Пожарскому в Москве в 1818 году, Долгоруковы и Мальцовы (те самые, которым принадлежал Гусь-Хрустальный), а также их родные и друзья, хлопотали перед императором Александром I, чтобы тот вернул княжеский титул сыновьям Александра Пожарского или хотя бы наградил их, как носящих ту же

Предполагаемый портрет кавалергарда Александра Пожарского

Открытие памятника Минину и Пожарскому в Москве в 1818 году

фамилию, что и один из «виновников торжества»! Царь, правда, облагодетельствовал Пожарских тогда «не соизволил». Но сама постановка вопроса примечательна¹.

Хотя князьями потомки Евдокима Пожарского так и не стали, их дворянское достоинство признавалось всеми, включая государя, безоговорочно. Род Пожарских был внесён в дворянскую родословную книгу Владимирской губернии, которая и сейчас хранится в фондах Государственного архива Владимирской области.

В последующие десятилетия потомки Евдокима Пожарского служили как по военной, так и по гражданской части, хотя ничего особенно примечательного не совершили. Ковровский дворянин подпоручик Алексей Александрович Пожарский (пасынок князя Долгорукова) в 1812 году участвовал в Бородинском сражении. Филипп-младший Пожарский в 1830-е годы дослужился до чина полковника артиллерии, но рано умер от холеры. Пожарские породнились со многими родами владимирского дворянства, в том числе и с родственниками композитора Сергея Танеева. Всего потомки Федота Пожарского прослеживаются на протяжении 7 поколений почти до 1917 года [См. поколенную роспись князей Пожарских в наст. сборнике в разделе «Наши публикации», с. 111]. Дальнейшая их судьба до конца не изучена. Сегодня немало лиц пытаются доказать свое родство уже не с князьями Пожарскими, а хотя бы с их весьма вероятными внебрачными потомками.

Одним из признанных авторитетов в изучении родословия Пожарских считается ныне покойный митрофорный протоиерей Сретенской церкви города Балахна Нижегородской области Александр Соколов, который посвятил данной теме две обстоятельных книги. Автору этих строк доводилось общаться с почтенным батюшкой (когда о. Александр было уже за 80), который специально приезжал в Ковровский район и побывал в Троице-Никольском – бывшем центре волости Пожар. Но даже исследования А. Соколова ни в возможности происхождения владимирских дворян Пожарских от князя Юрия Пожарского, ни в принадлежности ныне живущих лиц к данной дворянской фамилии XVIII–XX веков окончательную точку не ставят. Справедливости ради нельзя не отметить, что сам историк-протоиерей – ярый сторонник «княжеского» происхождения «наших» Пожарских.

Возможно, где-то в архивах ещё хранятся старинные документы, которые смогут пролить свет на тайну князей Пожарских и помогут разобраться с их запутанной родословной. Во всяком случае, исключать того, что среди нас живут потомки знаменитого воеводы Дмитрия Пожарского нельзя. А Южский край к нему, похоже, имеет самое непосредственное отношение.

1. Тайный советник профессор Петербургского университета Василий Григорьев ещё в 1870-е годы утверждал, что является прямым потомком Григория Евдокимовича Пожарского, чьи предки по политическим мотивам сменили фамилию. Официально объявил себя претендентом на титул князя Пожарского.

А.Н. Соколов,
митрофорный протоиерей

Предположение о кровной связи князей и дворян Пожарских

Фрагмент из книги:

Соколов А., протоиер. Князья Пожарские и Нижегородское ополчение: род князей Пожарских от Рюрика до наших дней. Изд. 3-е доп. и испр. Н. Новгород; Саранск, 2006. С. 165-177.

Большинство историков считают, что род князей Пожарских угас на внуке полководца Георгия Иоанновиче Пожарском († 1685). Известны строки А.С. Пушкина:

«Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух».

Однако автор данной книги полагает, что род князей Пожарских не пресёкся до сегодняшнего времени. И весь этот труд, представленный на суд читателей, – попытка хотя бы в некоторой мере опровергнуть устоявшееся мнение о роде Пожарских как угасшем в далёком XVII столетии.

Предположение о продлении рода князей Пожарских высказывал ещё князь А.Б. Лобанов-Ростовский в своей «Русской родословной книге»¹, ссылаясь на мнение историка М. П. Погодина и говоря о возможном продолжении данного рода с осторожностью. Из приведённых в этой работе источников² становится известно, что стольник Георгий Иоаннович († 1685), которого принято считать последним, на ком угас род князей Пожарских, имел внебрачного сына Иоанна Георгиевича, получившего поместье из бывших княжеских вотчин в Сузdalском уезде. Иоанн Георгиевич и его потомство утратили княжеское достоинство, но были дворянами, войдя в состав дворянства Владимирской губернии. Таким образом, Иоанн Георгиевич Пожарский, уже не имевший княжеского титула, стал родоначальником дворян Пожарских. Но мы уверены, как говорили прежде, что род князей Пожарских продолжился среди других колен, которые потеряли свою историческую память.

Из троих сыновей внука Иоанна Георгиевича – Григория Евдокимовича Пожарского – в исторической литературе известны трое (см. колено XXVII дворян Пожарских в предлагаемой росписи, раздел «Наши публикации, сс.»). Старший из братьев, родом из Суздаля и не известный по имени (Н Григорьевич), вынужден был покинуть Россию. Будучи сторонником и приближённым императора Пе-

тра III, он в период прихода к власти Екатерины II бежал в Пруссию. Один из его братьев, Иоанн Григорьевич, оставшись в России, предпочёл переменить фамилию Пожарский на фамилию Григорьев, опасаясь преследований со стороны властей в отношении себя и своей семьи. Об этом событии из истории рода имеется свидетельство Василия Васильевича Григорьева-Пожарского, дворянина Владимирской губернии.

Василий Григорьев родился в С.-Петербурге в 1816 году и там же окончил дни свои в 1881 году. В течение многих лет Григорьев был другом историка, археолога и востоковеда Н.И. Веселовского, близко знал известного генеалога князя А.Б. Лобанова-Ростовского. В 1837 году, совершив поездку в Москву, Василий Васильевич Григорьев, «истый петербуржец», впервые познакомился с историком и писателем М.П. Погодиным, с которым впоследствии, несмотря на разницу в возрасте, сохранил дружбу в продолжение всей жизни. Об этом пишет в своей книге «Жизнь и труды Погодина» Н.П. Барсуков³, пересказывая историю В.В. Григорьева со слов Н.И. Веселовского, ставшего биографом Василия Васильевича и его предков⁴.

У Барсукова читаем: «Григорьев был сыном мелкого петербургского чиновника; но этот мелкий чиновник мог доказать своё происхождение от князей Пожарских⁵... Фамилию Григорьев дедушка В.В. Григорьева принял сам. По отцу был он Пожарский. По семейным преданиям причиною этому было то, что третий брат Ивана Григорьевича, тоже разумеется Пожарский, состоял чем-то при Петре III и пользовался его расположением, а после кончины Императора из опасения опалы бежал в Пруссию, откуда потом не было уже о нём никакой вести. Этот поступок бывшего фаворита Императора напугал двух его младших братьев до такой степени, что они, желая укрыться от мнимых преследователей, не нашли ничего лучше, как отречься от мнимой связи с беглецом, переменив фамилию. Эти три брата не были петербургскими уроженцами. В Петербург явились они из Суздаля, где отец их, прадед В.В. Григорьева, Григорий Евдокимович, был соборным протопопом. В те времена дворяне нередко ещё вступали в духовное звание. Родной брат протоиерея, Филипп Евдокимович⁶, имел чин премьера-майора».⁷

И далее читаем у Барсукова: ««Нет сомнения», – повествует Н.И. Веселовский, – «что предки Григорьева были дворяне и помещики Сузdalские. А какие же могли быть там Пожарские, кроме потомков знаменитого рода князей Пожарских, или, может быть, родственной им линии, не имевшей княжеского титула или утратившей его? Так или иначе, только В.В. Григорьев слышал от отца, что они происходят от князей Пожарских». «Если бы у меня было хорошее

Тайный советник профессор Петербургского университета Василий Григорьев

Герб князей Пожарских, созданный по современным законам геральдики. Если кто-нибудь сумеет доказать родство с этой династией, то он получит право использовать данную фамильную эмблему

города Эрлангена во главе с профессором Петром Пожарским (род. около 1932 года). Профессор носит знаменитую историческую фамилию и, хотя не говорит по-русски, считает себя потомком князей Пожарских. «Я русский по происхождению, – сообщил в интервью профессор Пётр Оскарович Пожарский из Германии, преподаватель истории византийского искусства. – Точно не знаю, когда мои предки попали в Германию, но думаю, что это произошло в конце XVII или в начале XVIII века. Отец мой был торговцем. В нашей семье всегда интересовались русской историей. Ещё ребенком я узнал о подвиге, совершенном в 1612 году князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, и гордился этим». По данным Петра Оскаровича Пожарского, его предок Иоанн Иоаннович Пожарский (р. 1665, † 1749) предположительно выехал из России в начале XVIII века. Одним из мест его проживания была Прага.

Как известно из архивных материалов, одни из представителей рода Пожарских в XVII столетии стали писать свою фамилию в несколько изменённом виде – Пожарновы, но в XIX веке вновь подписывались Пожарскими, что также видно в изложении родословной. Причём в архивных документах встречается, что отцы и деды, к примеру, подписывались Пожарновыми, а сыновья и внуки – Пожарскими, или наоборот. Очевидно, обе эти фамилии воспринимались в роду как одна. Другие же представители рода так и продолжали писаться Григорьевыми.

...

состояние”, – говорил Григорьев, – “да нажил бы я потомство, я бы, статься может, пустился в розыски и нашёл доказательства связи своей со считающимся вымершим родом князей Пожарских ...Должен сознаться, мне всю жизнь было досадно носить какую-то курьерскую фамилию, принятую дедушкой”.⁸

Этому семейному преданию от В.В. Григорьева-Пожарского, записанному Барсуковым со слов Н.И. Веселовского, нашлось косвенное подтверждение в одной современной нам публикации в суздальской газете⁹, где также упоминается факт бегства из России в Пруссию одного из Пожарских. В статье с подзаголовком «Пожарские встретились в Суздале» рассказывается о пребывании в городе Суздале группы студентов и аспирантов университета из германского

города Эрлангена во главе с профессором Петром Пожарским (род. около 1932 года). Профессор носит знаменитую историческую фамилию и, хотя не говорит по-русски, считает себя потомком князей Пожарских. «Я русский по происхождению, – сообщил в интервью профессор Пётр Оскарович Пожарский из Германии, преподаватель истории византийского искусства. – Точно не знаю, когда мои предки попали в Германию, но думаю, что это произошло в конце XVII или в начале XVIII века. Отец мой был торговцем. В нашей семье всегда интересовались русской историей. Ещё ребенком я узнал о подвиге, совершенном в 1612 году князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, и гордился этим». По данным Петра Оскаровича Пожарского, его предок Иоанн Иоаннович Пожарский (р. 1665, † 1749) предположительно выехал из России в начале XVIII века. Одним из мест его проживания была Прага.

Как известно из архивных материалов, одни из представителей рода Пожарских в XVII столетии стали писать свою фамилию в несколько изменённом виде – Пожарновы, но в XIX веке вновь подписывались Пожарскими, что также видно в изложении родословной. Причём в архивных документах встречается, что отцы и деды, к примеру, подписывались Пожарновыми, а сыновья и внуки – Пожарскими, или наоборот. Очевидно, обе эти фамилии воспринимались в роду как одна. Другие же представители рода так и продолжали писаться Григорьевыми.

Призвание Пожарского в предводители ополчения. На картине князь изображён со своим семейством. Справа – младший из сыновей Иван Дмитриевич Пожарский, будущий отец князя Юрия

Преображенский полк присягает цесаревне Елизавете Петровне перед совершением дворцового переворота. Один из офицеров – Филипп Пожарский

ры. Общеизвестны проявления благочестия, свойственного многим представителям русских дворянских родов. Забота о собственной душе или потребность в поминовении своих предков и близких родственников, прежде почивших, становились причиной передачи родовых вотчин в виде вкладов в пользу монастырских обителей, что привело к переходу части дворянских земель к монастырям.

Всё это в полной мере можно отнести и к славному роду Пожарских, которые во второй половине XVII столетия не сумели сохранить свои древние кня-

Многие дворянские роды, в том числе весьма известные, в различные времена приходили то в состояние благополучия и успеха (например, в результате успешности отдельных лиц рода в деле служения государству и его правительству), то в состояние упадка. Представители рода то в изобилии получали вотчины и награды, то бывали гонимы и бедствовали. Материальное неблагополучие заставляло землевладельцев закладывать и продавать свои вотчины, что отражалось, в конечном счёте, и на правовом положении их самих и потомства. Такое наблюдается, например, в середине XVI века, когда часть детей боярских попадают постепенно в разряд однодворцов и даже холопов.

Помимо экономических причин, на материальное состояние и богатство рода влияли, как видим, и другие факто-

Протоиерей Александр Соколов – один из главных специалистов по родословию Пожарских

в 1612 году призывом и действиями Косьмы Минина, поставило во главе народных войск князя Пожарского, двинулось на Москву для её освобождения и очистило в Смутное время Русь от скверны, сохранив тем самым будущность России и, в том числе, рода Пожарских, продолжившегося доныне. На наш взгляд, потомки Пожарских, ныне живущие, должны осознать себя частью великого исторического прошлого России, а в связи с этим – быть нравственным примером для подражания, сохраняя в себе чувство сопричастности к великому подвигу, совершенному их предком – князем Дмитрием Михайловичем Пожарским.

-
- 1. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб, 1895. Т. II. С. 110.
 - 2. Использованные в предлагаемой ниже родословной материалы большей частью прежде нигде не публиковались.
 - 3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина. СПб, 1892.
 - 4. См. также: В.В. Григорьев. По его письмам и трудам. 1816–1881 годы / Сост. Н.И. Веселовский. СПб, 1887
 - 5. Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 57.
 - 6. У Н.И. Веселовского – Екимович.
 - 7. Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 59.
 - 8. Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 59–60.
 - 9. От Дмитрия до Дмитрия. Пожарские встретились в Суздале. // Вечерний звон (газета г. Суздаля Владимирской области). 1997. № 36.

жеские угодья, утратив и княжеский титул. Так, потомки князя Георгия Иоанновича († 1685) – как полагают, последнего из князей Пожарских – оставались, как видим, уже в состоянии лишь мелкопоместного дворянства, а их потомство, в свою очередь, не приобретало, а лишь всё более утрачивало наследованные имения. В исторической и справочной литературе принято писать, что род Пожарских ничем особенно не отличился в истории. Это несправедливо.

На многие последующие века прославлен этот род одним из его представителей, известным всей России и по сей день, а именно князем, воеводой и боярином Дмитрием Михайловичем Пожарским. Нижегородское ополчение, собранное

Раздел III

Из истории с. Мордовское

Д.Ю. Кривцов, составитель

Село Мордовское

Историческая справка: от первого упоминания в источниках до начала XX века*

Село Мордовское начинало свою историю как деревня Мордовская, Мордовка тож, поставленная на правом берегу реки Тезы, на суходоле – на возвышенной части речного водораздела¹. Точного времени основания этого поселения мы не знаем, но первые сохранившиеся сведения о нём относятся к середине XVI века. В 1566 году царь Иван Грозный забрал у своего двоюродного брата, удельного князя Владимира Андреевича Старицкого Звенигород, а взамен отдал ему Верю. Из-за этого пришлось проводить межевание или, как в те времена говорили, «разъезд» – определять на местности границы между царскими и удельными владениями. В Стародубском уезде, где располагалась интересующая нас деревня Мордовская, разъездом в 1566/67 году занимались писцы Фёдор Иванович Бутурлин и подьячий Майк Кузьмин сын Тукмачёв². Составленная ими разъездная грамота, в которой говорилось о деревне Мордовской, в подлиннике до наших дней не сохранилась. Но на основе этой несохранившейся грамоты была составлена межевая выпись на земли Холуйского Усолья, которая приведена в тексте Писцовой книги 7136–7138 (1628–1630) годов поместных и вотчинных зе-

* Во второй половине 2000-х годов Геннадием Радиковичем и Мариной Михайловной Якушкиными на страницах «Пожарского юбилейного альманаха» был опубликован комплекс документов, раскрывающих исторические судьбы села Мордовского и его жителей – см.: Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Холуйского Усолья // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 3. К 460-летию первого письменного упоминания села Холуй. Иваново-Южа, 2007. С. 29–34; Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 5 К 400-летию сражения на Стекольной горе близ села Мордовского. Иваново-Южа, 2009. С. 90–123. Публикации сопровождались основательными комментариями, позволяющими определить главные этапы в истории Мордовского и вписать жизнь этого села в контекст общей российской истории. Опираясь на вышеуказанные материалы, мы предлагаем читателям лишь последовательное (но, отнюдь, не исчерпывающее) изложение исторических фактов, относящихся к селу Мордовскому.

мель Суздальского уезда Стародуб-Ряполовского стана письма и меры Михаила Трусова и дьяка Фёдора Витовтова. Благодаря этой выписи мы знаем, что в подлинной грамоте 1566/67 года упоминались «земля и лес князя Володимира Ондреевича деревни Мордовской»³. На сегодняшний день это древнейшее известное нам упоминание об этой деревне.

В той же межевой выписи указывалось, что «ныне», то есть на рубеже 20–30-х годов XVII века «та деревня за Ондреем Плещеевым»⁴. В основном тексте Писцовой книги 7136–7138 (1628–1630) годов содержится более подробная информация о владельцах деревни Мордовской: «За стольником за Ондреем Захарьевым сыном Плещеевым по го-

судареве грамоте за приписью дьяка Федора Шюшерина 123-го году отца ево поместье, что было в поместье за князь Васильем да за князь Петром князь Ивановыми детьми Буйносова Ростовского»⁵. Речь здесь идет о поместье с центром в селе Введенском, к которому в XVI веке относилась, «тянула» деревня Мордовская. Владельцем этого поместья во второй трети XVI века был боярин Захарий Иванович Очин-Плещеев. После его казни в 1571 году поместье получили князья Пётр и Василий Ивановичи Буйносовы-Ростовские. В 1605 (7123) году сын казнённого боярина Захария Очина-Плещеева – стольник Андрей Захарьевич вернул отцовское поместье и получил на него грамоту⁶.

На рубеже 20–30-х годов XVII века деревня Мордовская, Мордовка тож, была совсем невелика. В ней стоял один крестьянский двор, в котором жили «Созонка Семенов сын Фуфеев с пасынки с Куземко да с Онашкою Федосеевыми детьми Голышевыми», да три бобыльских двора: Евстифея Тиханова сына Пиксина;

Емельяна Михайлова сына Шошина, жившего с детьми и племянниками – Данилом Семеновым сыном и Марковым сыном Шошиным; и двор бобылей Степана и Афанасия Артемьевых детей Бабушкиных, да Григория Яковлева сына Жукова с детьми Никитой и Михаилом»⁷. Итого в четырёх дворах в деревне проживало двенадцать душ мужского населения. В хозяйственном отношении на них приходилось двенадцать четей «доброй» пахотной земли, да еще «перелогом и лесом поросло осинатцать чети в поле, а в дву потому ж». Сена на деревенских лугах косили пять копен⁸.

Спустя примерно полтора десятка лет Мордовская разрослась совсем не на много. По Переписной книге 1646 года в ней находилось пять дворов. В четырёх из них жили крестьянские семьи: Анания Елисеева с детьми – Митрофаном 12 лет, Тимофеем 9 лет, Иван (Янка) 7 лет; Степана Артемьева с детьми – Василием 15 лет и Тимофеем 5 лет; Алексея Григорьева с сыном Гавриилом 5 лет и племянником Иваном Никитиным; Григория Емельянова с братьями Мироном и Митрофаном, да у Григория сын Ганка 7 лет, а у Митрофана пасынок Ганка такого же возраста. Ещё один крестьянский двор стоял пустой, из-за того, что его хозяин – Тимофея Елисеев – сбежал в Троицкую волость. В бобыльском дворе проживал Семён Иванов. На пять жилых дворов шестнадцать душ мужского пола⁹.

Но зато к этому времени существенно вырос социальный статус этого поселения – в 1646 году в Мордовской уже стоял боярский двор, в котором жил «дворник» Осип Иванов¹⁰. Как отметили Г.Р. и М.М. Якушкины, это означало перемещение в Мордовскую вотчинного центра. Они же предположили, что такое возвышение деревни Мордовской могло быть связано с её близостью к главной экономической артерии Холуйского Усолья – Балахонской дороге¹¹. Ещё в межевой выписи, отразившей разъездную грамоту 1566/67 года отмечалось, что «по заполью деревни Мордовской», то есть по ее дальним полям, можно выйти «к дороге к зимней, что ездят ис Холуя зимою к Балахне, к Володимерю»¹².

Очевидно, ещё одним немаловажным фактором превращения деревни Мордовской в новый вотчинный центр явилось полное запустение прежнего центра – села Введенского. В писцовой книге 7136–7138 (1628–1630) годов о нём говорится: «Село Введенское пусто, Змейкино то ж, а в нем церковь Николы Чудотворца пуста стоит бес пения, да место церковное Введенья Пречистые Богородицы, а дворовые места лесом и пораснягом порошли»¹³. Введенское могло быть разорено после того, как в первых числах марта 1609 года в сражении на Стекольной горе (близ деревни Мордовской, на восток от неё в сторону берега Тезы) поляки и казаки, посланные из Суздаля воеводой Лжедмитрия II Фёдором Плещеевым сумели разбить холуйскую дружину, в рядах которой могли сражаться и ратники из деревни Мордовской¹⁴.

Для жителей Мордовской гибель села Введенского стала важным элементом их коллективной исторической памяти, хотя и приобрела в ней совершенно фантастический, мифологизированный вид¹⁵. В 1874 году на страницах «Владимирских губернских ведомостей» И. Сивковым было опубликовано предание, ссы-

шанное им в селе Мордовском. Жители, пересказывавшие это предание, помнили, что село Введенское находилось в двух верстах от современного Холуя выше по реке Тезе на крутом берегу, и поляну, на которой стояло легендарное село, разграбленное поляками, называли «Введенье». Суть же предания заключалась в том, что оставшиеся бездомными жители села Введенского задумали переселиться туда, где сейчас стоит село Мордовское, и так порешили большинством голосов. Но этому решению «воспротивились рыболовы Халуй Седень дворовый выпущенник, получивший название Седня от своей белой, как лунь, бороды и четверо его товарищей», которые в конечном итоге построили себе хижины в болоте на небольшой поляне на берегу Тезы, основав тем самым село Холуй. Остальные жители Введенского перешли через болото и поселились на горе, дав начало селу Мордовскому¹⁶. В свете вышеприведённых документов, упоминающих и село Введенское и деревню Мордовскую ещё в 1566/67 году, историческая недостоверность этого предания очевидна¹⁷. Но очевидно и стремление народной памяти сберечь, хотя и в претворённом виде, воспоминания о трагичных, но героических событиях Смутного времени.

Андрей Захарьевич Плещеев, явившийся с начала XVII века мордовским помещиком, умер бездетным¹⁸. Поэтому в 1664 году поместье перешло его племяннику Фёдору Григорьевичу Плещееву с женой Дарьей Михайловой († после 1702 года). В 1671 году это поместье становится вотчиной¹⁹. Но и в 70-е годы XVII столетия вотчинная деревня Мордовская остаётся совсем небольшой. Переписная книга 1678 года указывает в ней всего три двора: двор крестьянина Анания Федосеева с детьми – Григорием и Иваном и внуками, сыновьями Ивана Ананьевича, Ларкой 10 лет, Панькой 8 лет, Емелькой 5 лет и Митькой 2 лет; двор крестьянина Тимофея Степанова с сыном Ганькой 10

лет и племянниками Митькой 12 лет и Васькой 10 лет, детьми Ивановыми; и бояльский двор Данила Алексеева с сыном Ивашкой 8 лет²⁰. Последними землевладельцами из рода Плещеевых в деревне Мордовской были с 1690 года Михаил Фёдорович Плещеев с женой Аграфеной Ивановной († после 1703 года), а потом, в 1704–1732 годах, их дети Иван Михайлович и Анна Михайловна²¹.

Очевидно кто-то из Плещеевых, Фёдор Григорьевич или его наследники, поставили в Мордовской церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, после чего эта деревня превратилась в село Мордовское, Ново-Богородское тож. Произошло это могло после 1678 года, когда в Переписной книге значится ещё деревня Мордовская. А к 1707 году Казанская церковь в селе Мордовском уже стояла. Об этом свидетельствует вклад в данную церковь митрополита Иллариона Сузdalского – Типикон издания 1695 года, по листам которого шла вкладная запись: «Декабря 1 дня (год вырван) приложил сию книгу глаголемую Устав Преосвящ. Илларион митрополит Сузdalский и Юрьевский, в Сузdalском уезде к церкви Пресв. Богородицы явления честнаго ея образа ёже в Казани что на Мордовске под Холуем, и иметь книгу тоя ж церкви священнику Петру или кто по нем иные священники будут и им поминать за упокой на литургии и на литиях схимонаха Ионы, схимонахини Анфисы, иерея Иоанна, а сия книга из его Иоанновых животов, по их душах, а буде кто сию книгу от церкви отнимет или продаст или заложит, и его Господь Бог на втором страшном пришествии разсудит и церковная клятва будет не отъемлема от него.»²². Поскольку святитель Илларион преставился ко Господу в 1707 году, то церковь в Мордовском к этому моменту уже должна была существовать.

В 1742 году Симон, епископ Сузdalский, дал своё благословение на постройку в Мордовском ещё одной деревянной холодной церкви во имя Нерукотворенного образа Спасителя. Этот храм был выстроен полковником Иваном Михайловичем Орловым, «по его обещанию». По указу того же епископа в 1745 году в Казанской церкви были устроены печи, благодаря чему она стала «тёплой». В 1758 году Сильвестр, митрополит Сузdalский, издал указ о постройке деревянной колокольни, которая была куплена в селе Холуе²³. В начале XIX века в селе Мордовском вместо двух деревянных храмов был поставлен один каменный. 24 сентября 1805 года состоялась закладка каменной церкви во имя Нерукотворенного образа Спасителя с приделом Богородицы Казанской²⁴. В том же году 16 декабря в селе Мордовском «настал» новый священник Алексей Петров, сменивший прежнего батюшку Илью Семёнова, за старостию лет отставленного от службы²⁵. А 22 октября 1806 года у новостроящейся каменной церкви был освящён придел во имя Богородицы Казанской²⁶. Наконец, во вторник 17 июня 1813 года в селе Новобогородском епископом Владимирским и Сузdalским Ксенофонтом была освящена каменная церковь во имя Нерукотворенного образа Господня²⁷.

Здание Спасской церкви в селе Мордовском сочетает формы барокко и классицизма с архитектурной традицией XVII века. Основной объём храма пред-

ставляет собой четверик, увенчанный пятью луковичными главами с восьмигранными шеями, поставленными на четырёхскатной кровле. К основному объёму примыкают пятигранный алтарь и более широкая, квадратная в плане трапезная с трёхъярусной колокольней по центру западного фасада. Колокольню венчает шпиль с основанием в виде фигурной вазы. В 3-й четверти XIX века храм был расписан в академическом духе, характерном для провинциальной живописи того времени²⁸.

В конце XIX века приход Спасской церкви состоял из села Мордовского и деревень: Сергеевой, Деревягиной, Гришёвой, Снегирёвой, Косовки, в которых по клировым ведомостям числилось 267 душ мужского пола и 335 женского²⁹.

По смерти Ивана Михайловича Плещеева село Мордовское, как и вся вотчина, переходит его жене Марье Андреевне, урождённой Белосельской-Белозерской († 1746) и остаётся во владении князей Белосельских-Белозерских вплоть до большевистского переворота 1917 года³⁰.

В Экономических примечаниях к материалам генерального межевания Вязниковского уезда Владимирской губернии 1798 года село Новобогородское, Мордовское тож, предстаёт центром вотчины, принадлежавшей барону Ивану Ивановичу Черкасову, женатому с 1760 года на Елизавете Михайловне Белосельской-Белозерской. В селе находился деревянный господский дом. Из церквей в Экономических примечаниях отмечена только освящённая во имя Казанской Пресвятой Богородицы³¹. Возможно, в Спасской церкви в это время служба не велась. Причиной тому мог быть пожар 4 июня 1797 года на первой неделе Петрова поста, когда выгорело село Мордовское³².

В состав этой вотчины входили деревни Теришина, Деревягина, Гаврилищева, и Сергеева с пустошами. В общей численности в них находилось 85 дворов, в которых проживало 262 души мужского пола и 275 душ женского. В вотчине имелось 522 десятины, 888 сажень пашни; пахотная земля определялась как «иловатая», а хлеб и покосы были «хороши». Покосы составляли 28 десятин, 1000 сажень. Лес в вотчине был дровяной, занимавший 70 десятин, 20 сажень. Вотчинные крестьяне находились на оброке.³³ Размер оброка мог варьироваться. Так, с 1 января 1814 года сумма оброка была определена 5475 рублей в год, по 15 рублей с ревизской души³⁴. С 1 мая 1815 года крестьяне стали платить оброк 6 рублей в год³⁵.

Основными хозяйственными занятиями жителей села Мордовского были хлебопашество и написание икон. Многие из этих жителей предпочитали не сидеть дома, а отправлялись на отхожие промыслы. Причём, уходили они в весьма отдалённые края, например, в столицу Уральского казачьего войска – город Уральск, где занимались иконописанием, обучением уральцев церковно-славянской грамоте (чтению и письму) и церковному пению. Со временем некоторые выходцы из Мордовского основательно осваивались в Уральске, заводили се-рёзную торговлю и выбивались в ряды первых богачей³⁶.

В XIX – начале XX века Мордовское было уже достаточно многолюдным селом. По ревизской переписи 1811 года в Мордовской вотчине оказалось налицо 365 душ мужского пола³⁷. По 7-й ревизской переписи в феврале 1816 года насчитывалось 359 душ мужских и 422 женских³⁸. По 8-й ревизии, проводившейся в 1833–1835 годах, число мужских душ в селе Мордовском значилось 192, а женских – 211³⁹. По 9-й ревизии 1850 года число мужских душ составило 197, женских – 227⁴⁰. В 1857 году, на момент проведения 10-й ревизии, действительное население в Мордовском насчитывало: мужского пола – 177 человек, женского – 203⁴¹. В 1859 году число жителей мужского пола – 215 человек, женского – 231⁴². В 1896 году в селе Мордовском проживало 350 человек обоего пола⁴³. В 1905 году жителей обоего пола там оставалось 242 человека⁴⁴. Менялось с течением времени и количество дворов, стоявших в селе Мордовском. В 1857 году их насчитывалось 83⁴⁵; в 1859 году – 81⁴⁶; в 1896 году дворов в селе оставалось 49⁴⁷; а в 1905 году только 46 дворов⁴⁸.

Последним владельцем Мордовской вотчины был Константин Эсперович Белосельский-Белозерский (1843–1920). После отмены крепостного права 17 августа 1863 года крестьяне деревень Сергеево, Деревягино, Гавришево выкупили у него принадлежащие им земли за 49098 руб. 50 коп. А ещё полвека спустя, после большевистской революции 1917 года, жизнь последнего мордовского помещика и его бывших крестьян снова круто переменилась. Константин Эсперович счёл за благо удалиться с семьёй в эмиграцию; прожил свои последние годы и скончался в Париже⁴⁹. А потомки его крестьян приняли на себя все доброе и недобroе, что принесли им советская власть и колхозный строй.

-
1. Поэтому в Мордовском, как равно и в соседних деревнях, приходилось копать колодцы – см.: Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. [Вып. 6]: Владимирская губерния: ... по сведениям 1859 года. СПб., 1863. С. 56, № 1455: «при колодцах».
 2. Подлинные разъездные грамоты, составленные в ходе того межевания, опубликованы: 1566/67 г. – Разъездная писцов Фёдора Ивановича Бутурлина и подьячего Майка Кузьмина с. Тукмачева землям ц. Ивана Васильевича (вотчин кнг. Марии и Федосы Мезецких, и кн. Никиты и Силы Гундоровых) с землями кн. Владимира Андреевича Старицкого (вотчины старца Ионы Протопопова) в Стародубском у. // Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевского монастыря 1506-1608 гг. (Далее – АСС-ЕМ) М., 1998. № 147. С.286–291; 1566/67 г. – Разъездная писцов Фёдора Ивановича Бутурлина и подьячего Майка Кузьмина с. Тукмачева землям ц. Ивана Васильевича (вотчин кн. Андрея Ивановича Стригина-Оболенского, кн. Ивана Ивановича, Ивана Петровича, Семёна и Михаила Борисовичей Пожарских, кнг. Федосы Семёновой д. Мезецкого, кн. Никиты и Силы Григорьевичей Гундоровых) с землями кн. Владимира Андреевича Старицкого (вотчины Спасо-Евфимьевского м-ря) в Стародубском у. // АСС-ЕМ. № 148. С.291–304; 1566/67 г. – Разъездная писцов Фёдора Ивановича Бутурлина и подьячего Майка Кузьмина с. Тукмачева землям ц. Ивана Васильевича (вотчине кн. Ивана Борисовича Ромодановского) с землями кн. Владимира Андреевича Старицкого (вотчинам кн. Юрия Мезецкого и Богоявленского м-ря) в Стародубском у. // АСС-ЕМ. № 149. С.304–306.

3. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Холуйского Усолья // Пож. юб.альманах № 3. С. 31.
4. Там же. С. 31.
5. Описание поместья А.З. Плещеева (из писцовой книги 1628–1630 гг. письма и меры М. Трусова и подьячего Ф. Витовтова) / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 93.
6. Подробнее об этом см.: Раздел 1. Предисловие / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 91–92.
7. Описание поместья А.З. Плещеева (из писцовой книги 1628–1630 гг. письма и меры М. Трусова и подьячего Ф. Витовтова) / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 94.
8. Там же. С. 94.
9. Описание поместья А.З. Плещеева (из переписной книги 1646 г.) / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 95.
10. Там же. С. 95.
11. Раздел 1. Предисловие / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 93. Подробнее о Балахонской дороге см.: Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. К вопросу об описании дорог Южского района Ивановской области (Балахонская дорога) // Пожарский юбилейный альманах: Вып. 2. К 10-летию явления в граде Юже иконы Пресвятой Богородицы Неопалимая Купина. Иваново;Южа, 2007. С. 13–15.
12. Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Страницы истории Холуйского Усолья. С. 32.
13. Описание поместья А.З. Плещеева (из писцовой книги 1628–1630 гг. письма и меры М. Трусова и подьячего Ф. Витовтова) / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 94.
14. См.: Печкин М.Б. Сражение на Стекольной горе // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 5. С. 8–14.
15. Дьяков А.Б., Курышина Т.А. Материалы к возникновению села Холуй. Историко-семантический анализ названия // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 5. С. 25–26.
16. Сивков И. Полноводье в слободе Холуе Вязниковского уезда и народное предание о старике Седне и от чего холуяне называются фараонами // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1874. № 15. С. 4–5.
17. Попутно стоит отметить, что идущие ещё с начала XX века рассказы о находкении на Стекольной горе многочисленных человеческих останков, которые массовым сознанием однозначно воспринимаются как материальное свидетельство битвы 1609 года (См.: Печкин М.Б. Сражение на Стекольной горе // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 5. С. 12–13.), во многом могут быть переосмыслены в свете такого свидетельства: «В тоже лето [1815 года] мая 31 в понедельник 7 недели по Паске по указу именному из Владимирского губернского правления указу Вязниковского земского суда заседателем Бруновым для погребения села Мордовского старообрядцев отведено кладбище на Стекольской горе по близости воротец.» (Диариум, дневные записки Владимирской губернии Вязниковской округи вотчины Его Превосходительства генерала кавалера барона Ивана Ивановича Черкасова села Новобогородское, Мордовское тож, деревни Сергеевы жители крестьянин иконописца Сильвестра Михайлова сына Июдина / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина С. 108.)
18. № 45. Около 1686 г. апреля 23. – Родословная роспись Плещеевых, представленная Фёдором Плещеевым / Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство (публикация Л.Е. Шабаева) // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 210: «А у Захарья Ивановича пять было сынов: первой Григорей Захарьевич – отец мой, Федоров, втарой Кандратей, третей Андрей, четвертой Никита, пятой Яков – и меньшие четыре сына были бездетны.»
19. Раздел 1. Предисловие / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 93.
20. Описание вотчины Ф.Г. Плещеева (из переписной книги 1678 г.) / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 96.
21. Раздел 1. Предисловие / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 93.
22. Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5 Шуйский, Ковровский, Вязниковский и Горшковецкий уезды. Владимир, 1898. С. 394–395.
23. Там же. С. 394–395.
24. Диариум, дневные записки... / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 103–104.
25. Там же. С. 104. Священник Илья Семёнов скончался 22 апреля 1807 года в понедельник 2 недели по Пасхе – см.: Там же. С. 104. Священник Алексей Петров скончался 11 июня 1822 года, пробы на служении шестнадцать с половиной лет – см.: Там же. С. 110. После его кончины в Мордовском служил викарный Лука Семёнов до 31 мая 1823 года, когда в село прибыл новоопределенный настоятель Иван Ефимов Бережков – см.: Там же. С. 111.
26. Там же. С. 104.
27. Там же. С. 107. В литературе можно встретить неточные даты окончательного возведения Спасского храма в селе Мордовском – 1808 год (Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. С. 394.); 1806 год (Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 3. М., 2000. С. 663.).
28. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 3. С. 663–665.
29. Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. С. 395.
30. Подробнее об этих владельцах см.: Раздел 2. Предисловие / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 97–99.
31. РГИА. Ф. 1350 Третий (Межевой) департамент Сената. Оп. 312. Д. 53. Л. 89. № 841.
32. Диариум, дневные записки... / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 102. Ещё один крупный пожар случился в Мордовском 19 июля 1824 года в четвертых после полуночи, когда в селе спрело 36 домов – см.: Там же. С. 111.
33. РГИА. Ф. 1350 Третий (Межевой) департамент Сената. Оп. 312. Д. 53. Л. 89. № 841.
34. Диариум, дневные записки... / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 107.
35. Там же. С. 107.
36. Подробнее о связях жителей села Мордовского с Уральском см.: Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 112–116.
37. Диариум, дневные записки... / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 106.
38. Там же. С. 108.
39. Тихонравов К.Н. Статистический список населённых местностей Владимирской губернии. Владимир, 1857. С. 133.
40. Там же. С. 133.
41. Там же. С. 133.
42. Списки населённых мест Российской империи... [Вып. 6]: Владимирская губерния: ... по сведениям 1859 года. С. 56, № 1455.
43. Список населённых мест Владимирской губернии. Владимир, 1896. С. 119, № 3648.
44. Список населённых мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 70.
45. Тихонравов К.Н. Статистический список населённых местностей Владимирской губернии. С. 133.
46. Списки населённых мест Российской империи... [Вып. 6]: Владимирская губерния: ... по сведениям 1859 года. С. 56, № 1455.
47. Список населённых мест Владимирской губернии. Владимир, 1896. С. 119, № 3648.
48. Список населённых мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 70.
49. Раздел 2. Предисловие / Документы по истории села Мордовского. Публикацию подготовили Г.Р. Якушкин и М.М. Якушкина. С. 99.

В.П. Большаков (п/ред. свящ. А.Е. Лихачева)

Святитель Иларион Суздальский и храм села Мордовское

В конце XIX в. в Спасской церкви в Мордовском хранилась богослужебная книга – печатный Типикон 1695 года издания со следующей записью от руки:

«Декабря 1 дня (год вырван) приложил сию книгу глаголемую Устав Пресвящеи. Иларион митрополит Суздальский и Юрьевский, в Суздальском уезде к церкви Пресв. Богородицы явления честнаго ея образа еже в Казани что на Мордовске¹ под Холуем, и иметь книгу тоя ж церкви священнику Петру или кто по нем иные священники будут и им поминать за упокой на литургии и на литиях схимонаха Ионы, схимонахини Анфисы, иерея Иоанна, а сия книга из его Иоанновых животов, по их душах, а буде кто сию книгу от церкви отьимет или продаст или заложит, и его Господь Бог на втором страшном пришествии рассудит и церковная клятва будет не отъемлема от него».²

Сегодня местонахождение Типикона неизвестно³, атрибутировать запись невозможно. Автор надписи – митрополит Иларион (1631-1707), пребывавший на Суздальской и Юрьевской кафедре с 1682 г. Попробуем определить период, в который могла быть сделана запись.

С одной стороны, Иларион мог собственноручно сделать, или продиктовать писцу запись на Типиконе, находясь в архиерейском доме в Суздале. А потом с нарочным отправить в Мордовское⁴.

С другой, нам известно, что митрополит очень любил монастырь, в котором подвизался с юности, – Флорищеву пустынь, затерянную в глухих лесах возле реки Лух, в 70 верстах от Мордовского. Он не раз посещал её, уже будучи в архиерейском сане. В один из таких визитов из Суздаля он мог заехать

Митрополит Иларион. Портрет 2-й пол. XVIII в.

и в Мордовское, перебравшись на левый берег Клязьмы Холуйским перевозом (у устья Тезы), находившимся всего в нескольких верстах от села. Такой личный визит был возможен при условии, что ни внешние обстоятельства, ни состояние здоровья митрополита визиту не препятствовали.

Судя по жизнеописанию Илариона⁵, в последние годы служения он потерял зрение. Против ослепшего иерарха плелись интриги, пытались его извергнуть из сана при помощи подложного царского указа, что якобы пресёк сам Пётр Великий, повелев Илариону не оставлять престола «до самой смерти». Главному интригану, бывшему епископу Тамбовскому Леонтию слепой Иларион напророчил смерть через 3 года, что и случилось в 1708 г. Житийная литература относит кончины Леонтия примерно к 1705 г. А тогда вокруг митрополита действительно кипели страсти, что подтверждается известием академика П.М. Строева о том, что Иларион «28 февраля 1705 уволен на покой»⁶. Обстоятельства этого описывал историк-краевед С.Н. Введенский:

«В 1703 г. из Монастырского приказа было послано Илариону предписание прибыть в Москву на чреду священнослужения с ризницей, певчими и проч. (Архив мин. юст. Дела Монаст., прик., св. 212, № 153). Очевидно, в Москве хотели видеть Илариона затем, чтобы определить, насколько он способен заниматься делами. Когда же митрополит отказался ехать «за древностью и за скорбью», – была послана ему другая грамота, а с ней отправлен подьячий, чтобы удостовериться на месте (св. 212, № 153). 21 февраля 1705 г. (т.е. после дела Леонтия, которое, как увидим далее, закончилось в 1704 г.) Иларион был уволен от епархии «за старостью» (св. 224, № 56)».⁷ Святитель проигнорировал указ и остался на кафедре до сентября 1707 года.

Маловероятно, чтобы ослепший Иларион, отказавшийся в 1703 г. ехать «за древностью и скорбью» в столицу по приказу церковных властей, ездил после этого по дальним сёлам вроде Мордовского или даже в свою Флорищеву пустынь. Помня, что сделанная им надпись на Типиконе датируется 1 декабря, самое позднее, когда он мог её сделать – 1 декабря 1702 г. Вкупе с годом издания Типикона получаем временные рамки вклада Илариона и его возможного визита в Мордовское – 1695-1702 гг.

Наверное, основным мотивом посещения села святителем явился тот факт, что особую роль в его жизни играла Богородица. Умирая, его отец (нижегородский священник Анания, принявший постриг с именем Антония) завещал Илариону: «предаю тя Божией Матери; она тебе мати и хранительница живота твоего до конца да будет»⁸. И действительно, житийная литература многократно отмечала помощь, которую оказывала ему Богородица в разных тяготах его жизни как настоятеля и как строителя Флорищевой пустыни. Не случайно в честь Её Успения он построил главный храм в обители. В его житии говорится, что Богородица даже «дала ему власть над духами нечистыми».

То же касается и истории раскола, который лично коснулся Илариона, когда тот был ещё иеродиаконом, постриженником епископа Коломенского Павла,

поддержавшего старообрядчество и сосланного за это в Палеостровский монастырь на Онежском озере. Иларион не поехал с Владыкой в ссылку, а поселился во Флорищевой пустыни. Должно быть, молодой монах искренне искал ответа о старообрядчестве, истово молился, поднял трудный подвиг строителя монастыря. Именно благодаря Богородице Иларион убедился в одинаковой спасительности обрядов, проводимых как по старому, так и новому, никонианскому чину. Это позволило ему принять церковную реформу Никона и не уйти в раскол.

Праведная жизнь настоятеля Илариона привлекла к пустыни внимание всех, кто искал как пропитания в моровые годы (голодных здесь всегда кормили), так и благочестия путём пожертвований и душеспасительных бесед с подвижником. Со временем о подвижнике узнал и царь Фёдор Алексеевич. Его внимание к Илариону и пустыни привело к тому, что настоятель стал для царской семьи Романовых духовным наставником, пустынь получала богатые пожертвования и вклады, а в ноябре-декабре 1677 г. стала и местом царского паломничества. Покидая Флорищеву пустынь для назначения архиепископом (потом митрополитом) в 1681 г., Иларион вручал Божией Матери обитель, «и да сподобятся духовные радости молитвами Богородицы».⁹ С учётом изложенного понятен интерес митрополита к церкви Казанской иконы Божьей Матери в Мордовском.

Что представляло собой село Мордовское в то время, могло ли удостоиться визита архиерея? В начале XVII в. поместье Плещеевых с Мордовской и другими деревнями находилось в одном из «медвежьих углов» Сузdalского уезда, в окружении безлюдных лесисто-болотистых просторов. Однако в течение столетия состояние и статус поместья сильно изменились. Эта тема отдельная и должна стать предметом особого исследования. Пока же отметим, что хозяева поместья Плещеевые прежде всего пытались возродить, под именем сельца Змейкина, торговое село Введенское на левом берегу Тезы, которое до того являлось хозяйственным и приходским центром поместья, но запустило. Когда этого сделать не удалось, незадолго перед 1646 г. центр поместья («двор боярской») был перемещён из Змейкина в Мордовскую.¹⁰ Однако усилия Плещеевых по укреплению и расширению владения продолжались.

В 1671 г. поместье было обращено в вотчину¹¹. Разница заключалась в том, что поместье давалось царём за службу и могло быть отобрано в любой момент. Вотчина же являлась уже собственностью вотчинника: могла передаваться им по наследству, продаваться и т.п.

Став в Мордовской вотчине полными хозяевами, Плещеевые построили и собственную церковь. После запустения Введенского с его храмами не только окрестные деревни, но и сами Плещеевые окормлялись в храмах Холуя. Теперь же, где-то после 1678 г. в Мордовской появилась деревянная церковь Казанской иконы Божьей Матери. Таким образом, деревня стала СЕЛОМ Мордовским и центром нового прихода, что укрепило также власть Плещеевых над крестьянами и независимость их вотчины от церковной власти: построив церковь и выделив на её содержание часть своей земли (о чём свидетельствует материал XVIII в.),

Плещеевы получили значительную власть и на назначение сюда священника, и на всю его деятельность¹². Храм был построен с вызовом, на возвышенном месте, заметном как с торговой дороги Холуй – Клязьминский перевоз, так и со стругов, проходивших по Тезе, возможно, с претензией на собственную ярмарку в празднование Казанской иконе Божьей Матери (8 июля и 22 октября по ст.ст.).

Приобретение в 1683 г. Плещеевыми острова Заревяцкого на Клязьме¹³ в общем контексте также можно расценивать как продолжение попыток контролировать торговые пути (Балахонскую дорогу и «струговой ход» от Шуи по Тезе к Клязьме). Возможно, именно в Мордовскую вотчину, к помещику Ф.Г. Плещееву в 1674 г. бежал от своего учителя из Холуя выучившийся «иконному мастерству», принадлежавший шуйскому Борисоглебскому монастырю молодой «бобыль Ивашко Никанов»¹⁴, от которого вели свой род иконописцы Никоновы, к началу XVIII в. обосновавшиеся в Мордовском¹⁵. Заинтересованные в украшении иконами «двора боярского» и Казанской церкви, Плещеевы вполне могли полезного мастера и от переписи укрыть, и у монастыря выкупить.

Параллельно этим усилиям Плещеевых в настроениях, мировоззрении и всём образе жизни крестьян происходили сложные процессы, также повлиявшие на дальнейшую историю Мордовского:

- в 1640-е гг. недалеко от Мордовского, в Гороховецком стане зародилось тайное течение христоверов (их оппонентами из официальной церкви прозванных хлыстами);
- с 1650-х гг. Сузdalский уезд был охвачен раскольническим движением. Официальную церковь, отказавшуюся вследствие реформ патриарха Никона от ряда древнерусских богослужебных традиций, раскольники (старообрядцы) считали «слугой дьявола», за что, конечно, преследовались властями;
- широкий спрос раскольников и христоверов на нелегальные предметы поклонения, в первую очередь на писаные, литые и вышитые иконы, породил три основных профессии: иконописание «старым письмом», оfenный про мысел (разноска икон на продажу по селениям), строчевышивание.

Перечисленное придало немалый импульс экономическому развитию Мордовского (вслед за Холуем), произошедшему уже в XVIII веке. Однако к концу XVII в. Мордовская вотчина (хозяин – Михаил Фёдорович Плещеев) всё ещё представляла собой владение одной из захудальных ветвей большого рода Плещеевых, средних размеров с тремя сотнями душ обоего пола в отдалённой от Суздаля местности. Кроме того, что храм посвящён Пресвятой Богородице, казалось бы, никаких особых мотивов к посещению нет.

Осталось внимательно разобрать самую запись на Типиконе, которую сделал митрополит Иларион. Вот её перевод¹⁶:

«1 декабря ____ (?) года Преосвященный Иларион, митрополит Сузdalский и Юрьевский, пожертвовал эту книгу под названием Устав церкви Пресвятой Богородицы (явления её благочестивого образа в Казани), что на Мордовске под

Холуем в Сузdalском уезде. И хранить книгу священнику той же церкви Петру, или кто будет после него другие священники, и им на литургии и на литиях поминать за упокой схимонаха Ионы, схимонахини Анфисы, иеря Иоанна, а эта книга из его Иоаннова имущества, по их душах. А если кто эту книгу у церкви отберёт или продаст, или заложит, то его Господь Бог на Страшном суде распознает, и будет на нём неснимаемое церковное проклятие».

По своему общему смыслу запись имеет защитный смысл, предостерегает от похищения книги. И вот в этом, скорее всего, и кроется основная причина возможного посещения села Мордовского святителем. Оно могло быть вызвано тем обстоятельством, что предыдущий Типикон (Богослужебный устав) был из храма похищен, имел место тяжелейший грех святотатства. Если вспомним, что в Мордовском и его окрестностях жило немало староверов, а также христоверов, изъятие (кража) старого Типикона могла иметь своеобразные нравственные мотивы. Христоверы ценили не Священное Писание, а собственные устные предания, а раскольники считали всю никонианскую литературу «дьявольским творением». Зная это, святитель в своей записи использует несколько способов защиты от злодеев, которые могли покуситься на новый экземпляр Типикона:

- крупный почерк внизу ряда страниц, чтобы нельзя было вырвать или замарать запись без ущерба для текста книги,
- указание на статус жертвователя и церковь, в которую «приложена» книга,
- обещание злодеям Страшным судом.

Примерно так делали и другие жертвователи церковных книг¹⁷.

Но святитель добавил ещё один способ защиты, который делает вклад особым. В записи Иларион благословляет поминать трёх человек. Третий из них – «иерей Иоанн». В епископском корпусе, как и среди настоятелей сузальских храмов, какого-либо известного нам Иоанна в то время не было¹⁸. Видимо, речь шла о рядовом священнике, названном здесь только потому, что Типикон принадлежал ему. Зато перед Иоанном указаны двое, высокий статус которых не требовал пояснений. Скорее всего, это были недавно умершие члены царской семьи (любые манипуляции над именами царствующих особ карались). В 1692 г. скончалась царевна Анна Михайловна Романова, перед смертью приняв в постриге имя Анфисы. В январе 1696 г. умер Иван V, старший брат и соправитель Петра I. Хотя история не сохранила нам его имени в монашеском постриге, мы знаем предсмертное иноческое имя царя Ивана IV Грозного – также Иона. Будет ли слишком смелым предположение, что и Иван V в иночестве оказался Ионой? Начальные буквы мирского и монашеского имён как правило совпадают – это и тогда было, и сейчас действующее правило при пострижении¹⁹. Если вышеизложенное верно, то период, в который была сделана запись, сокращается до 1696-1702 гг.

Почему же такая «степень защиты» выбрана для книги, изданной в 1695 г. явно недостаточным для обеспечения всех храмов в стране тиражом в 1200 экземпляров, но всё-таки жертвуемой в рядовую церковь в глубинке? Видимо, по-

тому, что для митрополита такое происшествие как кража Устава в храме, посвящённом особо почитаемой им Богородице, было вызовом. Вот почему он, 10-й по значению в Русской церкви архиерей, входивший в царскую семью и пользовавшийся царским покровительством, мог приехать в Мордовское – чтобы своими властью и авторитетом подкрепить пожертвование Типикона, обязав священника Казанской церкви Петра служить именно по нему и пригрозив гневом царя Петра возможным ворам-раскольникам или нечестивым самоуправцам-христоверам.

История, как известно, «не терпит сослагательного наклонения». Но за скучестью данных мы не всегда можем восстановить точную картину той реальности, которая скрыта за «магическим кристаллом» прошедших веков. Если, например, предположить, что фрагмент надписи с цифрами года утрачен не случайно, а специально вырван или отцом Петром, или самим Иларионом, то логика этого действия приведёт нас к Указу Петра Великого о переходе с 1 января 17208 года от Сотворения мира (год начался 1 сентября) на 1700-й год, европейский счёт лет от Рождества Христова. Такое предположение сузит рамки возможного визита святителя в Мордовское до ещё меньшего промежутка – с 1699 по 1703 годы, переходное время реформы, когда (учитывая интриги епископа Леонтия 1703 года) легко было вызвать подозрения петровых сыщиков²⁰. В любом случае, из приведённых размышлений хорошо видно, что наше маленько село Мордовское не было обойдено вниманием такого великого человека, как канонизированный в 1982 г. святитель Иларион Сузdalский, строитель великолепнейшего памятника архитектуры «Успенская Флорищева пустынь» и духовник царской семьи.

-
1. В разговорной речи местных жителей форма «Мордовск» встречается до сих пор.
 2. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. Владимир, 1898. С. 394-395.
 3. В 1930-е гг. церковь была закрыта. Здание использовалось колхозом как склад и ремонтная мастерская, а имущество было утилизировано властями или разобрано местными жителями по домам.
 4. Впрочем, это маловероятно: точная дата пожертвования с категорическим условием хранить Типикон в церкви Мордовского говорят скорее за то, что запись делалась вместе с передачей книги в церковь.
 5. Преосвященный Иларион, Митрополит Сузdalский, основатель и строитель Флорищевой пустыни // Владимирские епархиальные ведомости. 1874. Часть неоф. №№ 5, 7, 11 – <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/20931-1874>
 6. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 657. Текст указа от 28 февраля 1705 г.: Введенский С.Н. К биографии Сузdalского митрополита Илариона // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. Кн. 10. Владимир, 1908. Сообщения. С. 3-4.
 7. Введенский С.Н. Тамбовский епископ Леонтий. (Очерк из истории русской церкви конца XVII и начала XVIII вв.) //Исторический вестник. 1900. № 6. – http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Leontij_Tambov/text1.htm
 8. С.Орлов (священник). Святитель Иларион Сузdalский и его обитель на Красной Флорищевой горе. Ниж.Новгород. 2012. Сс. 10-12.

9. Флорищева пустынь. Основатель и первый строитель обители преподобный Иларион. – http://frolishi-kraeved.narod.ru/Illarion_SUFP.html
10. С одной стороны, понятие «сельцо», по В.И. Далю, означает «деревню, селение», «где барский дом» (Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Рус. язык, 1980. С. 172: «Селить»). С другой, по тому, что перепись 1646 г. зафиксировала «двор боярской» не в Змейкине, а в Мордовской, делаем вывод о его недавнем «переезде» (Пожарский юбилейный альманах (далее – ПЮА). Вып. 5. Иваново-Южа, 2009. С. 94).
11. ПЮА. Вып. 5. С. 93.
12. О характере взаимоотношений между землевладельцами, строившими церкви на собственной земле, и церковными властями, см.: Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М.: Индрик, 2002. Глава 1. Частное владение церквами... С. 31 и сл.
13. Южский муниципальный районный архив. Ф. 178. Оп. 01. Д. 11. С. 59 (тетрадь И.В. Гусева).
14. Печкин М.Б. Холуй как торговое промышленное село // ПЮА. Вып. 6. Иваново-Южа, 2011. С. 62.
15. Зимин Д.И. Русский фотограф Ф.В. Никонов. Иваново. 2016. С. 10.
16. Перевод сделан автором.
17. См., например, Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. Владимир, 1898. С. 31, запись от 1726 г.: «и сию книгу Святое Евангелие не отнять и не заложить и никому к себе ис того Троицкого монастыря в дом не взять, а быть сей книге святой от церкви Божии неотъемлемой никаким ухищрением во веки» и т.д.
18. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
19. Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. М., СПб: Нестор-История, 2017. С. 100: «По крайней мере с XV в. монахам обычно даётся имя, начинающееся на ту же букву, что и то имя, которое носил постригаемый в миру (например: Александр – Амвросий; Никола – Никодим; и т. п.).» Правило, правда, соблюдалось не в 100% случаев.
20. Допустим, в записи стояло: «Декабря 1-го дня лета 7208 приложил...» Эту запись после реформы можно уже было понимать двояко, что будто бы вкладчик, митрополит Иларион, послушался царского приказа и 1 декабря 1700 года продолжал считать лета «от Сотворения мира» (хотя на самом деле это означало 1 декабря 1699 года, ведь церковный календарь был с осенным годом, который начинался на 4 месяца раньше). Эта путаница продолжается и по сию пору, даже в трудах уважаемых авторов-учёных доныне встречается дата кончины святителя 14 декабря 1708 года (к сожалению, так и в современной Православной энциклопедии), которая получается при механическом переводе номера года с вычетом 5508. В архивных документах говорится, что Владыка скончался 14 декабря 7216 года, и те, кто просто минусуют стандартное число, забывают, что этот самый 7216-й год наступил уже 1 сентября, а реформированный год ещё не наступил, и потому правильным будет записать, что кончина святителя произошла в 1707 году.

Н.В. Фролов, составитель

Из жизни семейства Черкасовых

Историческая справка

На землях Южского района, в 4 верстах от Холуя, находится село Мордовское, которое в середине XVIII века принадлежало барону И.И. Черкасову, доставшееся ему как приданое его супруги княжны Елизаветы Михайловны Белосельской. О старинном роде князей Белосельских (впоследствии, Белосельских-Белозерских) мы уже недавно писали (см. Южский альманах, выпуск № 5, Южа, 2009 г.).

Познакомимся теперь с родом Черкасовых, «служилых людей» петровской гвардии. В 1705 году по указу государя Петра Алексеевича в тогда ещё не губернский, а уездный город Владимир в местную приказную избу был определён новый подьячий – сметливый паренёк Ваня Черкасов, которому тогда шёл лишь 14-й год. Однако царь-плотник, испытывая великую нужду в грамотных людях, брал на службу, не глядя на юный возраст. А новый подьячий грамоту усвоил хорошо ещё от своего отца Антона Гуся-Черкасова, служившего комиссаром в Воронеже «у корабельного строения». Черкасовы были выходцами из Малороссии, и именно вследствие своего происхождения получили свою фамилию, так как по терминологии той поры черкасами в том числе называли и выходцев из нынешней Украины. Приказная изба в начале XVIII столетия являлась примерно аналогом нынешней администрации – аппаратом власти при местном воеводе, сравнимом с позднейшим губернатором, а подьячий являлся одним из помощников дьяка – первого «зама» воеводы. Городок Владимир тогда был невелик. В нём имелись лишь «осыпь земляная» – валы уже не существовавшей крепости, «одна каменная башня с проезжими воротами» (Золотые ворота) и три каменных «соборных церкви». Число жителей в городе не превышало двух тысяч человек.

Прослужив три года во Владимире, Иван Антонович Черкасов начал карьеру чиновника, обнаружив не по годам большой ум и такое же старание. В 1708 году во Владимир прибыл по делам царский стольник князь Григорий Иванович Волконский – близкий друг всесильного фаворита Петра Великого А. Д. Меншикова. Юный подьячий приглянулся князю, и он распорядился перевести его в свою канцелярию. При князе Волконском Черкасский состоял ещё два года. Очевидно, через своего начальника Иван стал известен лицам из ближайшего окружения царя Петра Алексеевича. В 1710-м И.А. Черкасского назначили

Герб баронов Черкасовых

подьячим Архангельской губернской канцелярии. Архангельск тогда был одним из главных центров торговли России с Западной Европой, а пост архангельского губернатора занимал аристократ из ближайшего окружения царя генерал-майор князь Пётр Алексеевич Голицын – помещик Суздальского уезда. Кстати, как раз в бывшем имении П. А. Голицына в селе Павловское нынешнего Ковровского района был недавно создан новый музейный комплекс – «Усадьба двух генералов».

В Архангельске Черкасов отлично зарекомендовал себя в качестве чиновника, и когда в 1711 году губернатор князь Голицын был назначен сенатором, то поспособствовал переводу Ивана в Москву. А ещё год спустя, в 1712-м Ивана Черкасова откомандировали в Санкт-Петербург, где он стал канцеляристом при Алексее Васильевиче Макарове – личном секретаре Петра Великого. Макаров сам начинал карьеру подьячим в провинции, только не во Владимире, а в Вологде. С 1704 года он стал сначала подьячим государева двора, а потом – кабинет-секретарём царя. Поэтому, наверное, он поддержал карьерный рост своего молодого помощника.

Вскоре И.А. Черкасов стал исполнять обязанности квартирмейстера царского двора (фактически – завхоза). В данном качестве он постоянно сопровождал непоседливого государя в его бесконечных поездках, в том числе и заграничных вояжах. Так, в 1717 году Иван Антонович побывал вместе с царём в Голландии и во Франции. Вскоре бывший владимирский подьячий стал одним из самых близких к Петру Великому лиц. После неудачного Персидского похода Черкасов за проявленные в нём преданность и стойкость получил в награду богатое имение.

Говорили, что Пётр I ценил Черкасова не только за его деловые качества, но и за его безукоризненную честность и способность говорить правду в глаза. Причём эту правду Иван Антонович говорил даже всесильному фавориту государя Александру Даниловичу Меншикову, обличая мздоимство последнего. На сторону Черкасова тогда встал сам царь, и «полудержавный властелин» вынужденно примирился с кабинет-секретарём, но позже припомнил ему обиду.

После кончины Петра I во время короткого царствования его супруги императрицы Екатерины I Черкасов сохранил своё влияние при дворе. При малолетнем императоре Петре II Черкасов вступил в борьбу с А. Д. Меншиковым, и в результате был отправлен в почётную ссылку: сначалаober-inspектором в Ар-

Барон Иван Антонович Черкасов

хангельск, а потом ведать «провиантские дела» в Астрахань. В общей сложности его опала продолжалась почти 14 лет. Одной из причин столь продолжительной ссылки являлась нелюбовь Черкасова к иностранцам, которые при дворе императрицы Анны Иоанновны были в большой чести – достаточно вспомнить фаворита царицы герцога Бирона.

Однако в 1741 году в результате очередного дворцового переворота на трон взошла дочь Петра Великого императрица Елизавета Петровна, и в судьбе Черкасова произошёл разительный поворот. Новая государыня немедленно вызвала верного слугу своего отца в Петербург, пожаловала ему генеральский чин действительного статского советника и назначила его «для отправления комнатаых письменных дел» при своей особе. Позже Иван Антонович вновь занял пост кабинет-секретаря, теперь уже императрицы, и его влияние при дворе стало исключительным. Он стал действительным тайным советником, получил титул барона, орден святого Александра Невского и новые имения. Но выше всех чинов и наград являлось положение личного друга Елизаветы Петровны.

Именно барону Черкасову императрица дала ответственное поручение организовать первую в России порцелиновую (фарфоровую) мануфактуру. Иван Антонович привлёк к изготовлению отечественного фарфора уроженца Суздаля однокашника М. В. Ломоносова Дмитрия Виноградова. Именно благодаря таланту Виноградова и организаторским способностям Черкасова Российская империя получила первый фарфоровый завод. Неоднократно И. А. Черкасова привлекали к решению важнейших вопросов внешней политики.

Об особом доверии императрицы к своему помощнику говорит следующий факт. Когда у Елизаветы возникла идея восстановить патриаршество в России, уничтоженное её отцом, то сбор материалов по столь деликатной теме она поручила именно Ивану Антоновичу. Тот собрал множество документов по данному вопросу, изучив его всесторонне, но царица передумала, и патриархи вновь появились в нашей стране лишь 170 с лишним лет спустя.

Современники оценивали барона И.А.Черкасова по-разному. Одна из оценок такова: был «суров и упрям, но любил порядок и справедливость». Даже крайне пристрастные к кабинет-секретарю французские дипломаты (их барон почему-то особенно не жаловал) писали об Иване Антоновиче следующее: он «чрезвычайно насилиственный и грубый, но притом умный и искусный человек, особенно в науке пользоваться слабостями своей Государыни». Барон И. А. Черкасов скончался в октябре 1758 года в 66-летнем возрасте.

Сын Ивана Антоновича, барон Иван Иванович Черкасов получил прекрасное по тем временам домашнее образование, владел английским языком, как русским. Затем он продолжил своё образование в Кембриджском университете в Англии, где, в частности, изучил искусство навигации. По возвращении в Россию стал проходить военную службу в придворном Преображенском лейб-гвардии полку, в мушкетёрской роте. Он был человеком чести: на момент государственного переворота, совершенного в 1762 году Екатериной II, он был на галере с

императором Петром III в плавании к Оранienбауму и не изменил своей присяге. Потому был арестован вместе с другими товарищами по службе, кто тоже остались верны своему свергнутому государю. Во время долгого царствования Екатерины II он так никогда и не стал близок ко двору, хотя потом дослужился до чина вице-адмирала и с 1783 года вышел в отставку. При этом занимался лишь обеспечением снабжения, и за всю службу ни разу (кроме поездки с Петром III) в плаваниях не был. Когда на престол взошёл император Павел I, он оценил его верность и наградил его большой пенсиеей.

Однако в личной жизни вице-адмирал Иван Иванович Черкасов достиг большого ключевого успеха: сын владимирского подьячего породнился с потомками великих князей Владимирских, женился на княжне Елизавете Михайловне Белосельской – дочери вице-адмирала из рода владимирского князя Константина Всеходовича, сына Всеходова Большое Гнездо. В приданое за женой, как мы и сказали выше, барон получил большое имение в Вязниковском уезде Владимирской губернии с центром в селе «Мордовское, Новобогородское тож» (365 душ мужского пола по переписи 1811 года). В Государственном архиве Владимирской области сохраняются документы с описанием владений барона и баронессы Черкасовых в Вязниковской округе. Жили они в Москве, куда и отправлялся к ним в командировку почти на год в 1806 г. Сильвестр Иудин¹, а поместьем управляли через управляющего. Когда 17 марта 1807 года баронесса Елизавета Михайловна скончалась, её супруг переехал на жительство в Санкт-Петербург к её брату князю Александру Михайловичу Белосельскому-Белозерскому. Иван Иванович Черкасов скончался в ночь с 10 на 11 октября 1811 года, за девять месяцев до начала Отечественной войны, на два с половиной года пережив свою супругу, и был похоронен на старом Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры². Супруги были бездетными, и свою Вязниковскую вотчину они оставили в наследство малолетнему племяннику Эсперу Александровичу Белосельскому-Белозерскому (1802-1846).

Баронесса Елизавета Михайловна Черкасова,
урожденная княжна Белосельская

1. Диариум Сильвестра Иудина // Пожарский альманах №5. С. 104. Иваново-Южа. 2009.
2. Русский биографический словарь. СПб. 1904. Том Ч-Ш. С. 173.

А.Е. Лихачёв, священник

О священно- и церковнослужителях деревянных и каменного храмов села Мордовского

В последние годы началась работа по постепенному восстановлению каменной церкви Спаса Нерукотворного в селе Мордовском. Нет смысла в восстановлении стен без восстановления памяти о тех, кто этот храм строил и кто в нём служил и молился. История каменной церкви, конечно, объединяется с историей деревянных церквей, когда-то стоявших здесь, ведь храмы строятся приходом, духовной «семьёй» крестьян-христиан, живущих, тружающихся и спасающих свои души для вечности на этом месте. В день св. апостолов Петра и Павла 12 июля 2021 года за алтарём храма был освящён поклонный Крест, воздвигнутый в память священнослужителей и церковнослужителей мордовских храмов. И сразу встал вопрос о том, чтобы восстановить поминальный список имён тех, в честь кого поставлен этот Крест. Настоящая заметка есть краткий рассказ о том, что удалось сделать на первом этапе.

Первым письменным упоминанием о существовании храма в деревне (селе) Мордовском, что недалеко от Холуя, надо считать памятную надпись святителя Илариона, митр. Сузdalского на вкладном в этот храм типиконе 1695 г. издания. Хотя датировка надписи повреждена (сохранилось указание на 1 декабря, а год – вырван)¹, однако крайней границей вкладной надписи является 1706 год. Кончина святителя наступила 14 декабря 1707 г., но с сентября месяца г. он уже был освобождён от руководства кафедрой. Кроме того, известно о тяжёлой болезни его (полной слепоте святителя) с 1704 года, поэтому с большой долей вероятности можно считать, что надпись сделана либо в конце XVII века, либо в самом начале XVIII (особенно, если учесть «форму» надписи – по

Рисунок Церковь в Мордовском, 1879

нижнему полю целого ряда следующих друг за другом листов, – так вряд ли бы надписывал слепой человек). В этой надписи упоминается как название храма – в честь Казанской иконы Божией Матери, так и имя служившего там иерея – Пётр. Служил ли кто в этом храме до него, – пока не известно.

В нашем распоряжении очень мало документов о жизни прихода с. Мордовского-Новобогородского за XVIII век. Требуется большая работа в архиве Сузdalской консистории, хранящемся в ГАВО. Даже зная о постройке здесь новой Спасской церкви (1742), мы не можем сказать, открылось ли дополнительные священническое и причетническое места. Скорее всего, раз она сначала была названа холодной (т.е. без отопления, для служения только летом) одним и тем же причтом служили поочерёдно в каждой из церквей. Из тех, кто служил в храмах с. Мордовского во второй половине XVIII века, мы пока можем назвать только два имени. Во-первых, это священник Илья Семёнов, отставленный от службы в 1805 году «за старостию лет»². В «Диариуме» крестьянина деревни Сергеевой Сильверста Иудина упоминается о его кончине 22 апреля 1807 года в понедельник перед Радоницей³. На основании того, что ему при кончине было 72 года, мы можем определить годом его рождения 1735-36. Была ли церковь в Мордовском единственным его местом служения (и тогда, вероятно, первым служителем во вновь построенной Казанской церкви был его отец Симеон), мы не знаем, надо попытаться выяснить. В списках лиц, живших в Николо-Борковской пустыни «по вдовству и желанию своему» в начале XIX века, упоминаются диакон мордовской церкви Николай Андреев, 1755 года рождения, и пономарь той же церкви Борис Захаров, 1760 года рождения⁴. Первый закончил свою службу в Мордовском в 1801 году, второй – ещё в 1800. Они, вероятно, и были главными помощниками покойного о. Илии по службе. Здесь же упоминается дьячок Моисей Андреев, очевидно, брат дьякона Николая, который служил в Мордовской церкви после Бориса до 1805 года, то есть до начала строительства каменной церкви.

Как известно, с 1805 года в Мордовском стала строиться новая каменная церковь (заложена 24 сентября, согласно Диариуму). В литературе можно встретить годы окончания её строительства 1806, 1808, но от Сильверста Иудина мы узнаём, что она была освящена лично епископом Владимирским и Сузdalским Ксенофонтом только 17 июня 1813 года. Путаница возникла оттого, что Казанский придел в низкой каменной части здания (которая, очевидно, была построена вперёд) был освящён на праздник Казанской иконы и стал действовать с 22 октября 1806 года.

Список лиц, служивших в Казанской, а затем в Спаса-Нерукотворного церквях Мордовского в XIX веке восстановлен практически полностью⁵. В Государственном архиве Ивановской области имеется коллекция метрических книг церквей Вязниковского уезда Владимирской губернии, в том числе Казанской (Спасской) церкви с. Мордовского с 1802 по 1919 гг. (Фонд 1156, описи 1 и 3). В согласии с Диариумом Сильверста, здесь назван преемник о. Илии священник

трической книге, он был погребён здесь же, при церкви.⁷

Когда в 1822 году внезапно скончался о. Алексий, вместо него консисторией был назначен временно служащим иеромонах Лука Семёнов (точных данных о его монашестве нет, но Сильверстом Иудиным он назван «викарным», т.е. присланым от Владыки, а обычно присыпали иеромонахов), который, не исключено, мог быть родным братом дьякона Иоанна. На следующий год 31 мая в Мордовское был прислан для постоянного служения священник Иван Ефимович Бережков, который прослужил здесь 32 года до 1856 года и потом был, вероятно, отправлен в один из монастырей на покой. При нём пономарём (то есть помощником по алтарю и ризничим) состоял сначала пожилой Пётр Петров, а через два года в 1825 году его сменил юный пономарь Харлампий Алексеевич Минервин (1811 г. рождения), верою и правдою прослуживший в алтаре прихода немного меньше 50 лет вплоть до 1872 года. Актовая запись о его смерти была сделана 5 января, в ней сказано, что он «скончался 62 лет от чахотки и погребён при этой же церкви».⁸ Как мы помним, ещё при о. Илии дьячком в деревянной тогда Казанской церкви стал служить Николай Егоров. Вероятно, по достижении преклонных лет он был отправлен в 1839 году на покой, а на его место с 1840 года

заступил Пётр Григорьевич Святухин. С этого же времени на приходе появился и новый дьякон Яким Семёнович Харламов, который мог быть и родным братом уже служившего здесь Ивана (по записи в метрической книге он был назван по имени родителя своего Иваном «Семёновым», а фамилии священнослужителям стали присваивать только в 20-30 годы XIX века в духовных семинариях, отчего родные братья могли получить разные фамилии). Тем более, что причина смерти о. Иоанна не указана («неизвестно от чего»), значит, он мог долго болеть перед смертью, каковое предположение и объясняет, почему некоторое время на приходе было 2 дьякона.

Мы пока не знаем, по какой причине, но в 1856 году Владимирская консистория назначила в Спасскую церковь нового молодого священника, Петра Ивановича Богословского, 1833 года рождения. Подробности его биографии ещё предстоит выяснить. С большой вероятностью он был зятем иерея Ивана, потому что с 1830-х годов вошёл в России обычай назначать настоятелями приходов не сыновей, а зятьёв, мужей старших дочерей прежних настоятелей. Куда был переведён о. Иоанн и где и как служил до своей кончины, – пока не знаем тоже. Отец Пётр тоже немало прослужил на мордовском приходе, практически 30 лет. Прослужил бы и дольше, но в возрасте «52 лет 13 декабря скончался от брюшного тифа», как говорится в актовой записи церковной метрической книги за 1885 год⁹. Дьячком во время его служения продолжал быть Пётр Святухин, а

с 1863 года его место заступил Михаил Жданов. В 60-е годы XIX века в Российской империи происходили многие реформы управления, в том числе и церковная. Должности дьяконов по сельским приходам были упразднены, отчего Яким Харламов служил здесь только до 1865 года, а потом, лишившись по указу Синода содержания, куда-то уехал доживать свой век. Должность дячка стала теперь именоваться « псаломщик ». Михаил долго вычитывал службы в мордовской церкви, почти 30 лет, а когда в 1891 году был по возрасту заменён на более молодого служителя, по ревности своей к службе остался здесь « псаломщиком заштатным ».

После внезапной кончины родителя в Спасскую церковь был назначен сын о. Петра – Павел Петрович Богословский. Нам пока неизвестны страницы его предшествующей биографии, но он был в это время, очевидно, ещё молодым священником, лет 30-34. Он прослужил в храме до 1919 года. Во время его служения псаломщики почему-то стали часто меняться, буквально через каждые 5-7 лет: Иван Колеров (1891-1897) и Иван Колпский (1897-1900), Александр Крестовоздвиженский (1900-1907) и Александр Карпинский (1907-1914). В 1914 году на место псаломщика заступил Павел Введенский, который был в 1915 году взят на фронт 1 Мировой войны, но, вернувшись в 1918 г., снова заступил на своё место. Дальнейшие сведения о судьбе причта Спасской церкви отсутствуют. Сохранилась одна характерная фотография священнической семьи начала XX века, на которой по центру сидит пожилой протоиерей, а вокруг него – взрослые дети со своими семьями. Вероятно, это и есть протоиерей Павел Петрович Богословский со своими сыном, дочерьми и зятем-священником.

По устным сведениям, богослужения в Спасской церкви села Мордовского продолжались до начала 30-х годов. Значит, кто-то совершил службы, кто-то пел и читал, кто-то топил печи, убирался и сторожил. Их имена ещё можно было бы восстановить. О том, что службы в церкви продолжались в 20-е годы, можно су-

Латышевы Василий Фёдорович и Феодосия Тарасовна (ур. Уколова)

дить хотя бы потому, что мордовские фронтовики (1907 г. рождения) вспоминали в письмах домой, какие были красивые службы на день «Егория».

Одно из таких имён уже восстановлено – это староста (по современному, завхоз) Мордовской церкви Латышев Василий Фёдорович (1876-1939). Он был очень высокого роста (2 м 5 см), широкий в плечах, воевал в 1-ю мировую войну.

Латышева Феодосия Тарасовна (в центре) с дочерьми Екатериной (слева) и Лией (справа). Примерно 1950 год

Супругой его была Феодосия Тарасовна, урожд. Уколова. Вера они хранили крепко, не побоялись новой власти и не согласились отречься от Бога, продолжали заботиться о храме. У них был большой добротный дом недалеко от храма, видимо, большое справное хозяйство. В 1929 году Василий вступил в колхоз, но нашлись завистники, которые в 1930 году объявили его кулаком. Вме-

сте с сыном Фёдором Василий был отправлен на поселение за Урал. Вспоминает дочь, Мария Васильевна, в замужестве Шлыкова (1916 года рождения): «Был праздник Никола, мама с папой и брат Фёдор с женой Шурой ушли в Косовку на праздник, дома остались одни дети. Подъезжают верховые на лошадях, ездили вокруг дома, ждали, когда придут родители. Приказали взять тёплую одежду, тулупы и на телеге повезли в Холуй на барже, на реку Тезу. Вернули Василия Фёдоровича и сына Фёдора благодаря ходатайству Швецова Фёдора Семёновича (вычеркнул из списка на ссылку)».

Дом отобрали, хозяйство конфисковали и распродали, детей исключили из школы. В семье Латышевых было 10 детей: Константин, Александр, Фёдор, Лидия, Нина (умерла в подростковом возрасте), Михаил (умер в подростковом возрасте), Елена, Мария, Екатерина. После возвращения Василия преследовали всю оставшуюся жизнь, использовали его силу на самых тяжёлых работах. Теперь они срубили маленькую избёнку, снова завели корову, стали налаживать хозяйство. По совету учителей, младшие девочки уехали из Мордовского. Надежда Александровна Пронюшкина (внучка В.Ф.Латышева), предоставившая для нас фотографии предков, вспоминает, что в 1933 году её мать Мария Васильевна училась в лесном техникуме, там вышла замуж за Александра Шлыкова и приехала, по распределению, в посёлок Моста, где всю жизнь проработала в леспромхозе. Потом, в середине 30-х, церковь была закрыта, святыни, иконы и имущество частично уничтожены (как это водилось у большевиков), частью разобраны по домам сохранивших веру прихожан. Самое печальное, что после войны был целенаправленно, вандальски уничтожен богатейший некрополь церковного кладбища. В здании церкви устроили склад и гараж, но фрески ещё долго сохранялись в хорошем состоянии, даже теперь можно разобрать некоторые сюжеты. Храм словно ждёт наших трудов, как по дальнейшему восстановлению имён, так и по благоустройству территории и самого здания.

-
1. Добронравов В., Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5. Шуйский, Ковровский, Вязниковский и Городовецкий уезды. Владимир, 1898. С. 394–395.
 2. Диариум Сильверста Михайлова сына. ОПИ ГИМ. Ф. 195. Оп. 1. Д.632. // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 5. Иваново. 2009. С. 104.
 3. Там же. С. 105.
 4. М.Б.Печкин. Ведомости Борковской пустыни // Южский альманах. Вып. 6. Иваново. 2020. С. 90.
 5. В том числе благодаря директору музея Ковровского района Э.В.Фроловой, любезно нам предоставившей текст клировой ведомости Спасской (Казанской) церкви за 1811 год.
 6. Диариум //ГПЮА. Вып. 5. С.111.
 7. ГАИО. Ф. 416. Оп.1. Д.3а. Л. 59об.-60.
 8. ГАИО. Ф. 416. Оп.1. Д.4. Л. 38об.-39.
 9. ГАИО. Ф. 1156. Оп.3. Д.14. Д. 98об.-99.

Фотолетописец уездной Шуи

Визвестном «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефона город Шуя (статья в томе 1904 года издания¹) характеризуется как «лучший по внешнему благоустройству уездный город Владимирской губернии». Убедиться в справедливости этого заявления и представить, как выглядела Шуя почти полтора века назад, возможно благодаря сохранившимся фотографиям.

Фотоколлекция муниципального учреждения культуры «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» г. о. Шуя насчитывает более 7 тысяч единиц хранения основного фонда. Более трети из них (2650 единиц хранения) относятся к собранию фотографов-краеведов Никоновых. Коллекция негативов и фотографий Ф. В. Никонова и его сына В. Ф. Никонова – настоящая фотолетопись Шуи за период с конца XIX века до конца 60-х годов XX века. Коллекция передана в дар музею внуком Фёдором Васильевичем – Василием Викторовичем Никоновым, прошла атрибуцию в 1998 году.

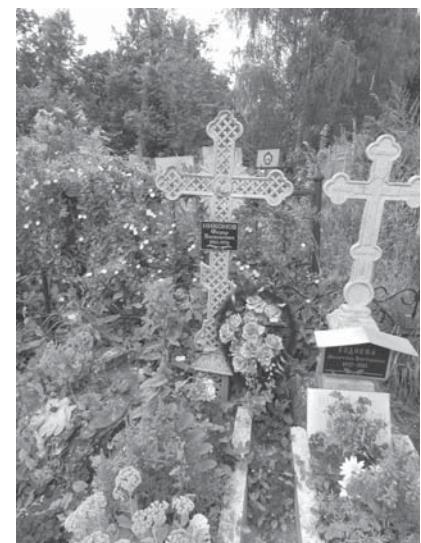
Фёдор Васильевич Никонов родился 15 февраля 1862 г.² в с. Мордовское (ныне Южский район Ивановской области). После службы в армии³ и учёбы фотографическому делу в Санкт-Петербурге вернулся на родину. В 1891 году переехал с женой в Шую, где открыл фотографическое заведение. Располагалось оно в ныне утраченном доме в Спасском переулке (в самом начале современной улицы Ленина) и просуществовало до 1936 года. Первая прибыль появилась от продажи снимков, сделанных во время поднятия 20-тонного колокола на колокольню Воскресенского собора 19 мая 1891 года. Воодушевлённый успехом Ф. В. Никонов начал снимать и другие виды города, а затем издал «Альбом фотографических видов г. Шуи», распространив его по предварительной подписке. Альбом состоял из 20 видов формата 18×24 см, наклеенных на изящные бланки с отпечатанными золотом пояснениями к каждой фотографии в кожаном переплете с тиснёным заглавием. Известно, что вскоре за первым изданием было выпущено второе в 1892 году (тираж изданий неизвестен).

В последующие годы количество снимков и негативов краеведческого характера увеличивалось. Съёмка краеведческих фотографий объяснялась не только желанием заработать, но и большим собственным интересом к краеведению, причём к краеведению не только самой Шуи, но и её окрестностей.

Ф. В. Никонов умер 16 мая 1936 года. Похоронен на Троицком кладбище (могила сохранилась) в черте города.

Дело отца продолжил Никонов Виктор Фёдорович (1894-1969). В 1958 году он собрал все фотографии отца, прокомментировал каждую из них, создав «Каталог фотографий». Для этого ему пришлось всерьёз заняться краеведением. В музее хранится документальный фонд В. Ф. Никонова, который, помимо личных материалов по биографии фондообразователя, содержит тетради с краеведческими записями из различных источников, ответы на запросы в публичные библиотеки гг. Москвы, Ленинграда, Географическое Общество СССР при Академии наук СССР и др. Кроме того, Виктор Фёдорович дополнил коллекцию отца и своими снимками.

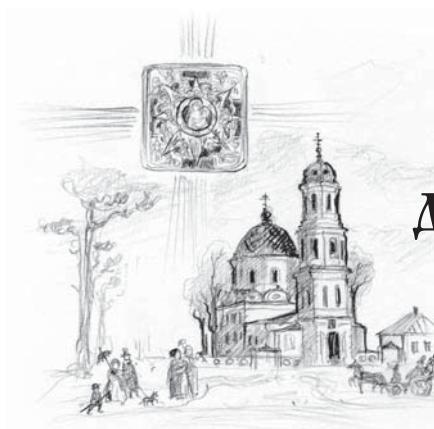

Ценность фотоархива Ф. В. Никонова заключается в том, что он зафиксировал ныне утраченные или изменённые виды города, причём не только исторический центр, но и фабричное Заречье. Высокую значимость имеют изображения храмов, которые на данный момент полностью или частично утрачены. Фотографии коллекции дают представление об архитектурных особенностях, а порой и внутреннем убранстве отдельных храмов, и, что не менее важно, позволяют проводить процесс восстановления зданий церквей в максимальном соответствии с историческим обликом. Особый пласт составляют фотографии, отражающие массовые мероприятия (гуляния, праздники, крестные ходы). В коллекцию также включены портреты известных лиц, сотрудников учреждений города.

Интерес к изображениям и комментариям к ним не ослабевает на протяжении многих лет. В настоящее время негативы коллекции переведены в цифровой формат и стали более доступны исследователям и любителям шуйской старины.

В память о Ф. В. Никонове проводимый в Шуе Межрегиональный фотофестиваль с 2013 года носит его имя. В 2016 году были опубликованы дневники фотографа, другие документы.⁴ В этом же году Ф. В. Никонов удостоен звания «Почётный гражданин города Шуя»⁵.

-
- 1. т. XL : Шуйское – Электровозбудимость. СПб, 1904. Сс. 27–30.
 - 2. На могильном кресте на современной табличке ошибочно указан 1861 год рождения.
 - 3. Подробнее о службе Никонова Ф. В. в армии см.: Кульков А. Как наши праотцы служили, а невесты их ждали // Шуйские известия, № 4, 11 янв. 2005 г.
 - 4. Зимин Д.И. Русский фотограф Ф.В.Никонов. – Иваново, 2016, 176 с.
 - 5. Решение городской Думы городского округа Шуя № 102 от 25.05.2016 г.

Раздел IV

Духовно-нравственная и художественная культура

Б.Л. Макарьянц

Птица ворон и его виноград*

Страницы истории дворянского рода Вороновых, связанные с вотчинным селом Богородское-Волокобино на реке Люлех

Село Волокобино¹ (ныне Южский район Ивановской области) и его необычная для сузdalской провинции церковь справедливо привлекают внимание историографов нашего края. Это старинное поселение в окрестностях Шуи имело и другие названия, отражённые в документах и на межевых картах XVII–XVIII веков. Одно из них, Вороново, соответствовало фамилии его владельцев. Первым из них стал Воронов Василий Яковлевич, представитель служилого сословия поколения Смуты. Впервые Василий Воронов в чине боярского сына упоминается в наказной памяти 1590 года². Присягнув на верность Михаилу Фёдоровичу Романову, В.Я. Воронов участвовал в военных действиях под Вязьмой при воеводе князе Петре Пронском (1617)³. Впоследствии он пять лет (1623–1627)⁴ служил в Разбойном приказе, которым в то время руководил князь Дмитрий Пожарский (1623–1636). Наказы князя Пожарского давали ему широкие полномочия на ведение «ссыкных дел», в том числе на мобилизацию стрельцов, пушкарей и других ратных людей для искоренения разбойных шаек в Замосковье. Первоначально он был послан для наведения порядка в Ярославский и Костромской уезды (1623), а затем в Сузdalский, Шуйский и Луховской уезды (1625)⁵. Следующей его дворянской службой стало воеводство в Кокшайске (1628–1630)⁶. Наказ был получен из приказа Казанского дворца, во главе которого стоял близкий боярин Дмитрий Черкасский (1623–1634). В обязанности воеводы входило ведение крупных судебных дел, сбор податей, урегулирование межнациональных отношений русских и черемис, организация противопожарных

* Исторический очерк продолжает тему краткой публикации «Близ камней вековых», помещённой в предыдущем выпуске Пожарского юбилейного альманаха (№ 9. С. 35–38).

мер, досмотр тюрем и другие дела государственной важности. Эта служба была для него наиболее ответственной. В апреле 1633 года, на Пасхальной седмице, он нёс службу обезжего головы по Москве⁷. Через полгода он был послан «с конными даточными людьми и казаки» на военную службу под Смоленск против отрядов короля Владислава⁸. Возможно, на этот раз он сам вызвался на передовую, поскольку в то время его младший брат, Максим Яковлевич, был убит под Смоленском⁹. Сохранилось описание статуса В.Я. Воронова и его военного эскорта: «Сам на коне, в збруе¹⁰, 1 человек на коне с саблей, и в саадаке¹¹, и с простым конем, 1 человек на мерине с саблею и пищалью»¹². К тому времени Василий Воронов владел поместьями общей мерой до 400 четей: на Вологде, в Суздале, в Шуе и во Владимире¹³.

Как показывает поколенное землевладение рода Вороновых, вологодское поместье семьи было наиболее древним и обширным. Брат Якова Воронова, т.е., родной дядя Василия, Рахманин (Иван) Макарьевич Воронов, служил дьяком на Вологде (1607–1609)¹⁴ и в Великом Устюге (1611)¹⁵. В 1613 году его старший сын, Черемисин Рахманинович, состоял в чине жильца и имел в Вологодском уезде 400 четей земли¹⁶, унаследованной от отца. В том же году ему было пожаловано «за полонное терпение» ещё 100 четей от избранного на царство Михаила Романова. Черемисин умер бездетным, затем скончался и его родной брат Муралей (Андрей)¹⁷. Василий же по правам наследства получил немалую часть вологодского имения своего дяди (86 1/8 чети по сведениям 1632 года). Прочие поместья он, видимо, получил «за службу». По данным 1643 года его сын, Осип (Иосиф) Васильевич, служил в чине жильца¹⁸. По смерти отца он унаследовал владения в Вологде, Суздале и Шуе. Позднее, «по отечеству», он также был пожалован чином дворянина московского и состоял в полку Смоленской шляхты. В 1659 году он был определён на службу в Вологду¹⁹. В то время продолжалась русско-польская война, и этот год оказался очень трагичным для рода Вороновых. В сражениях под Конотопом и под Быховым погибли близкие родственники Осипа²⁰. Это были его двоюродные братья, Авраам Андреевич и Дмитрий Иванович Вороновы. Как долго продолжалась вологодская служба Осипа Воронова, и когда он окончил свой жизненный путь, нам не известно. Но удалось найти исторический документ, датированный 1676 годом, упоминающий его как ответственного владельца сельца Волокобино²¹.

Шуйское поместье В.Я. Воронова составляло около 100 четей земли и находилось в Борисоглебской волости этого уезда²². Уже в Писцовой книге 1629 года, «письма и меры» Афанасия Векова и Сильвестра Иванова, Волокобино выделено статусом сельца. Это значит, что Василий Воронов поставил там свой усадебный дом. Там прошло детство его детей Осипа и Аксиньи²³. Впоследствии дом стал родовым гнездом для Осипа Воронова и его прямых наследников. Брак Осипа Васильевича с дочерью шуйского помещика Алексея Кащинцова, Евфимией, был заключён в 1650 году²⁴. Здесь у них родился первенец (1652), получивший при крещении имя Пётр. Он прожил долгую жизнь, служил при дворе в

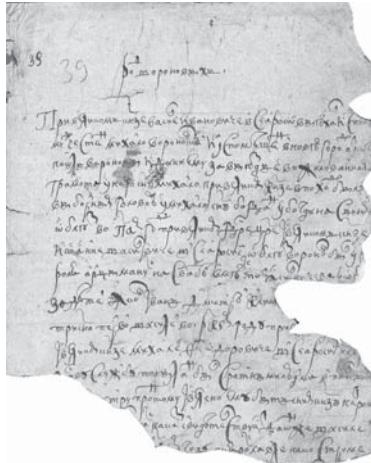
чине стольника²⁵. Заслугой Петра Воронова в развитии шуйской усадьбы стало строительство церкви, сохранившейся до наших времён. (ил. 1).

Кроме того, Пётр Воронов оставил по себе память как составитель поколенческой росписи своего рода²⁶. Родословие семьи было предназначено для внесения в т.н. Бархатную Книгу и подано в Разрядный приказ в 1686 году. Начальником рода указан «муж честен» Михайло Вороновский²⁷, выехавший из Польши на службу к Василию III и получивший испомещение в Новгороде²⁸. «От него пошли Вороновы» – говорится в родословной, и далее показаны девять поколений этого рода. (ил. 2). Полнота родословия заверена личными подписями двух представителей рода Вороновых – самого Петра Осиповича и его племянника Григория Федотовича (за отца своего Федота Аврамовича): «а оприч(ъ) сей росписи нашего рода нъть»²⁹. В числе «явных свидетельств» родовых заслуг, к росписи были приложены четыре наказа времён царствования Михаила Романова³⁰. Все они касались В.Я. Воронова, который, по-видимому, первым в роду, за эти службы был пожалован не только поместьями, но и чином дворянина московского³¹. Грамоты деда хранились у Петра Воронова на правах прямого наследника по мужской линии. Позднее, в документах Генерального Двора (1701) и Боярском списке (1706) за ним числилась значительная часть владений деда. Среди них 48 крестьянских дворов на вологодчине и 27 дворов в Шуйском уезде (1701). К тому же, за ним было записано новое поместье из 15 дворов в Арзамасском уезде³².

При составлении Бархатной книги (1688) к некоторым родословиям «выезжих» дворян были приложены фамильные гербы. Эти примеры послужили к тому, что и русские дворяне задумались о своих родовых гербах. Вероятно, Пётр Воронов также принял участие в создании герба своего древнего рода. В Общем Гербовнике Российской империи помещён официально утверждённый «герб рода Вороновых»³³. Приведём здесь его полное описание. «Въ щить, раздѣленномъ горизонтально на два поля краснаго и голубаго цвета, посрединѣ находится городовая серебряная стѣна съ тремя окнами, изъ которой видѣнъ выходящій левъ, а внизу изображены четыре золотые камня, три вверху и одинъ внизу. Щитъ увѣнчанъ дворянскими шлемомъ и короною, на поверхности коей видѣнъ до половины лев со шлагою. Наметъ на щите голубый и красный, подложенъ золотомъ». (ил. 3). Если принять позицию Петра Воронова, отметившего в родословии ключевые факты семейной истории, то будет несложно истолковать ос-

Герб рода Вороновых

Родословие Вороновых

новную мысль этого герба. «Лев со шпагою» (точнее, с мечом) символизирует Михаила Вороновского, родоначальника этой ветви Вороновых. Лев, «выходящий на городовую стену» символизирует воеводскую службу Василия Воронова, заслужившего чин дворянина московского от Михаила Романова. Дворянский шлем и корона на щите подчёркивают верноподданство старших Вороновых Российскому престолу. Золотые слитки символизируют четыре дворянские службы, честно исполненные Василием Вороновым, что позволило получить потомственное дворянство и его прямым наследникам.

* * *

Шуйское имение имело особое значение в истории этой ветви Вороновых. Так, упомянутая выше церковь в Волокобине была возведена по личной челобитной Петра Воронова к митрополиту Илариону Сузdalскому (1690)³⁴. С храмом связано изменение статуса поселения (село) и его третье название – Богородское. Оно отражено в сказках Генерального Двора тех лет (1701): «Шуйского уезда село Богородское – Волокобино тож ...»³⁵; и в Воеводской книге Шуи (1710): «стольника Петра Осипова сына Воронова село Богородское, Волокобино тож...»³⁶. Как мы видели, в 1676 году Волокобино при Осипе Воронове ещё оставалось в статусе сельца. Здесь же его новое название уже в статусе села появляется практически синхронно с посвящением нижней церкви в честь Одигитрии Смоленской.

Особое почитание этой чудотворной иконы в Шье и в Сузdalской епархии началось в 1654/55 году. Летом и осенью этого многострадального года в Москве и Замосковье распространилась моровая язва, опустошившая многие города и сёла. Из локальной истории известно, что та эпидемия унесла жизни половины жителей Шуи. Но будущему владельцу села, тогда ещё младенцу Петру, вместе с матерью удалось уберечься от повальной болезни. Такому избавлению могла способствовать «изоляция» семьи в волокобинской усадьбе.

Именно икона Одигитрии почтилась спасительницей Шуи от страшного бедствия. По преданию, эпидемия в городе закончилась в считанные дни после написания иконы и помещения образа Богоматери в Воскресенскую церковь. Последующее возвышение священного образа происходило в два этапа. Шуйский этап состоялся в июле 1667 г., по благословенной грамоте³⁷ патриарха Иоасафа II. Говоря об иконе Богородицы, патриарх использовал наречие «честного и славного Ея Одигитрия Смоленская». К этому времени было записано более

сотни новых исцелений по молитвам перед чимой иконой³⁸. Проверку всех обявленных исцелений проводила комиссия под началом Сузdalского архиепископа Стефана³⁹. По её итогам новый образ Одигитрии был прославлен как общецерковная святыня. Первый архиерейский молебен перед чимой иконой был отслужен 28 июля 1667 года, на праздник Одигитрии Смоленской. С этого дня церковный праздник на 28 июля (10 августа н/ст.) соединяет славу двух Одигитрий – Смоленской и Шуйской.

Однако при создании первых списков иконы из Шуи выяснилось, что она повторяет древний изобразительный канон, известный по образцам XVI века. По этой причине икона из Шуи была занесена в свод явленных образов Богоматери, а священноначалие Русской Церкви вновь задумалось о достойном чествовании Её священного образа. Второй этап канонизации готовился патриархом Иоакимом. Основной идеей московского акта прославления было повышение чина явленной иконы Одигитрии до «вселенского». Это событие произошло в первой половине 1690 года. Новое празднование в честь Одигитрии Шуйской было установлено на Светлой седмице, во Вторник Пасхи, совместно с другими иконами Одигитрии, Иверской и Смоленской⁴⁰. Высший чин иконы Богоматери из Шуи был отмечен составлением частного Похвального слова и освящением в Её честь главного престола новой соборной церкви в Шье. Тогда же была обустроена тезоименитая церковь в Ярославском Кремле⁴¹. По локальной историографии, освящение обоих престолов, в Шье и в Ярославле, объединяются рамками 1690 года.

Датировка храмозданной грамоты из Волокобина (1690) показывает, что Пётр Воронов был осведомлён о московской канонизации Одигитрии из Шуи. Подпись Сузdalского митрополита Илариона, стоявшая на грамоте, означала его благословение на закладку церкви. Своим предписанием он утвердил посвящение нижнего престола во имя Богоматери, «честного и славного Ея Одигитрия Смоленского». Этот специфичный речевой оборот восходит к названию чудотворной иконы из Шуи в патриаршей грамоте 1667 года⁴².

59

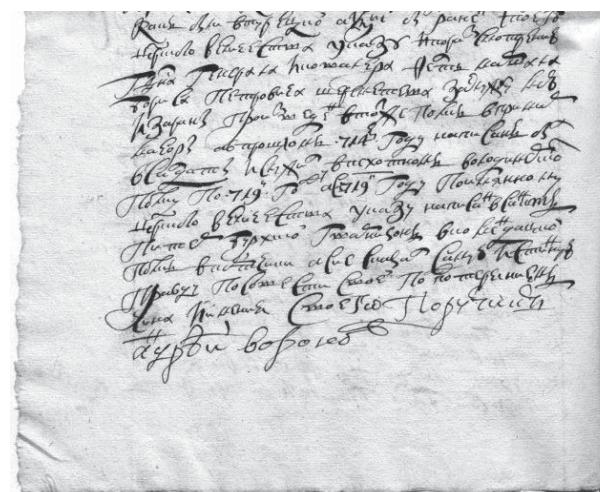
ней церкви алтарь над алтарем не был»⁴³. Во фризах северной и южной стен церкви были размещены муравлёные изразцы с изображениями «ворона» и «вив нограда». (ил. 4) Ажурный надглавный крест храма в своём средокрестии имел изображение короны – знак потомственного дворянства строителя церкви.

Представляется очевидным, что возведение храма в родовой усадьбе было исполнением личного обета, данного ради избавления семьи от мора 1654/55 года. Как было отмечено, Пётр Осипович дал селу новое название – *Богородское*. Этим он особо выразил своё почитание иконы Одигитрии. Но вполне допустимо, что у него был и другой мотив закладки храма в 1690 году. В тот год сын Петра Осиповича, Андрей Воронов, был взят на действительную военную службу. То есть, строительство церкви в немалой степени выражало надежду отца о покровительстве Божией Матери и над его сыном. Возведение церкви продолжалось около шести лет и завершилось в 1696 году освящением верхнего (летнего) престола в честь праздника Преображения. Это был год взятия Азовской крепости войском Петра I, и Андрей Воронов вернулся из этого похода невредимым.

Сам Пётр Воронов по достижении возраста 61 года, добровольно, «по обещанию», встал на путь иночества и был зачислен в братию Сузdalского Спасо-Евфимиевого монастыря с именем Павел⁴⁴. Его испытательный срок составил восемь лет (1713–1720). Немаловажно, что восприятие монашества произошло не в монастырских стенах, а в вышеназванной церкви «села Богородского Шуйского уезда»⁴⁵. Список братии (1730) сохранил

его словесный портрет (77 лет): «Павел Воронов ростом средней, сутуловат. На голове волосы седые, прямые, невеликие, взлизоват⁴⁶. Борода кругла, продолговата, средняя, седа. Лицем избела смугл, скуловат, глаза карие»⁴⁷.

Достоверные сведения о следующем представителе рода Вороновых, Андрее Петровиче, до сих пор были очень скучны. Его имя стало вновь известным в наши дни только по эпитафии, выполненной на белокаменной плите-вставке.

Биография и личная подпись Андрея Воронова (фото его «Офицерской сказки из Военно-исторического архива»)

Плита ранее была вмонтирована в стену над захоронением, расположенным непосредственно в правой части притвора. В советские годы она была варварским образом выломана из стены и сохранилась только её часть, составляющая около 2/3 от исходного формата. В верхнем поле, по центру, видна часть круга, в который был вписан Константинов крест; справа от него различим барельеф ангела. Периметр плиты был покрыт растительными завитками. Разрушение значительной части камня осложняет восстановление точного текста эпитафии. Бесследно утрачен фрагмент, где были указаны год смерти усопшего и число прожитых им лет. Но сохранившийся текст допускает реконструкцию надписи, которая приводится ниже⁴⁸. (ил. 5).

АΨ?? ГОДУ ФЕВРЯЛА 13 ДН€ НАПАЛА⁷
ПРПАБИГО * ОЦА ИШЕГО МАРТИНІА
ИА ПРЕСТАВИСА ГАБ КЖІЙ СЕНАЦКО⁸ РО
ТЫ КОЛАНД* ИРЬ АНДРЕЙ ПЕТРОВІЧ
БОРОНОВ * ОРДЖЕНІА ЖИТИА ЕГО
??ЛІТІ?МСЦА* АТЕЗОИМЕІ СТБО ЕГО⁶ АПОС
ТОЛСКІЙ ДЕПІНЬ ИПОГРЕКІІ
ПРОТИВ СЕЙ* ТАБЛІЦЫ

Седьмая и восьмая строки здесь выглядят короче, чем прочие. Дело в том, что внизу типовой композиции располагался барельеф «Адамовой главы», ныне утраченный, и текст, соответственно, наносился по сторонам от него.

Восстановить общий вид плиты А. Воронова позволяет оформление синхронной плиты-вставки (1737), выявленной в некрополе Донского монастыря⁴⁹. (ил. 6). Она имеет идентичный растительный орнамент, а также Константинов крест и фигуры двух ангелов вверху. В центре нижнего поля расположен выпуклый барельеф Адамовой главы. Добавим, что мемориальная формула⁵⁰ московского артефакта более пространна, чем на эпитафии Андрея Воронова. Это различие указывает, что плита из села Волокобино была выполнена несколько раньше, чем её московский аналог.

Реконструкция текста эпитафии дала ключевые сведения об Андрее Воронове. Установление его офицерской должности: «сенацкой роты командиръ», открыло рациональное направление поиска. Среди офицерских сказок XVIII века, находящихся в РГВИА, удалось найти документ 1719 года⁵¹, записанный со слов поручика Андрея Воронова. Его служебная автобиография раскрывает типичный боевой путь офицера петровской эпохи. Начав военную службу в 1719/1690 году в чине царского стольника⁵², он стал участником обоих Азовских походов и был

при взятии Азовской крепости (1696). С 1701 года он служил офицером драгунского Казанского полка и принимал действенное участие во многих сражениях Северной войны. Особенно жаркими боями были отмечены 1704, 1706 и 1709 годы. В капитанском звании он стал непосредственным участником генеральных баталий под Калишем и под Полтавой. Получив за время боёв три ранения и контузию, он, тем не менее, оставался в строю и честно исполнял свою офицерскую должность. В подтверждение сказанного, приведём выдержки из этого документа, скреплённого его личной подписью⁵³.

«1719-го [году] апреля въ ... день полку господина полковника и санкт-петербургского коменданта от гвардии капитана господина Бахмеотова поручик Андрей Вороновъ сказал: Отроду мнъ пятьдесят лѣть⁵⁴. Служу я со 198-го году и был в обоихъ Азовскихъ походахъ і при взятие Азова а 700-го году по указу Царского Величества и по разбору господина генерала Автомона Михайловича Головина взять из столниковъ в ученье <...> а въ 701-м году <...> по указу Царского Величества и по разсмотрению господина генерала и ковалера фелтьмаршала Бориса Петровича Шереметева <...> написанъ капитаном же в драгунской Казанской полкъ <...> по 704-й год был в команде его господина генерала фелтьмаршала во всехъ походахъ и баталияхъ і партияхъ<...> а въ 706-м году при его высоко княжой светлости господина генерала и ковалера фелтьмаршала князя Александра Даниловича Меншикова на генералной Калишской баталии был же и после Калишской баталии в два Гродненские приходы короля свейского в баталии был неотлучно же также і после того в разныхъ баталияхъ и партияхъ <...> а въ 709-м году был на баталияхъ под Полтавою и Переволочою и Сенжарами и какъ следовали за королемъ свейскимъ к Очакову а въ 710-м году какъ въступали в Полшу по указу Царского Величества и по разсмотрению господина генерала и ковалера фелтьмаршала Бориса Петровича Шереметева за службу мою и за раны произведен в тот же полкъ в пример маеоры <...>».

Итак, в 1711 году по Царскому указу «за службу и за раны» Андрей Воронов был произведён в очередной чин и стал премьер-майором, то есть, штаб-офицером. Для понимания его дальнейшей судьбы необходимо заметить, что командование полка в те годы состояло из двух наёмников, «иноземцев нового выезда», полковника Галанта и подполковника Шхонмана. Фактически, с 1711 года, А.П. Воронов стал старшим русским офицером полка. К несчастью, спустя три года он оказался вовлечён в «ссору» с полковником Галантом⁵⁵. В этом внутреннем конфликте пострадали и два других офицера полка – капитан Борис Перфильев и капитенармус⁵⁶ Лаврентий Волошенинов. По решению полкового суда («кригерихт»)⁵⁷, состоявшего из иноземцев, все три офицера были разжалованы в солдаты, то есть, сосланы в каторгу. Строгость наказания боевых офицеров вызывала вопросы полкового историографа даже через двести лет⁵⁸. Дело в том, что

полковой «кригерихт», учреждённый в 1702 году, на тот момент был единственной судебной инстанцией в армии. Вышестоящий «генеральный кригерихт» был введён Воинским уставом только в 1716 году, поэтому апелляция о пересмотре столь жёсткого приговора иноземцев, к тому же плохо говоривших по-русски, была невозможна. Изменить вердикт полкового суда удалось лишь после смерти полковника Галанта в 1718 году. В начале 1719 года, по именному Царскому указу, Андрей Воронов был реабилитирован и «написан в Санкт-Петербургский гвардизон в Комендантский полк в поручики»⁵⁹.

Через год, в апреле 1720 года, он был отправлен в отставку в чине капитана⁶⁰. Прошение об отставке было связано с последствиями трёх ранений и контузии, полученных во время боевых действий. Но на этом треволнения Андрея Петровича не закончились. Осенью того же года его родной отец, монах Павел Воронов был взят из Сузdalского Спасо-Евфимиева монастыря в Тайную канцелярию по следственному делу против Алексея Нарышкина, угличского коменданта и ландрата⁶¹. В доношении дьяка Степана Большого от 1 июля 1720 года А. Нарышкину одним из обвинений предъявлялась растрата Государевой казны в виде денежных передач бывшей царице Евдокии. Эту часть обвинения А. Нарышкин отрицал, но при допросе был упомянут эпизод с передачей 50 рублей личных денег через монаха Павла Воронова⁶². Доверительные отношения с монахом Павлом объяснялись их родством по линии матери Алексея Нарышкина, которая доводилась старцу племянницей. В связи с пристальным вниманием самого царя Петра к делу Евдокии Лопухиной, в визитах к которой оказался уличён монах Павел, он был заключён под стражу и содержался как колодник под караулом, «в крепости порознь», наряду с другими лицами по делу А. Нарышкина⁶³. Жёсткие меры в отношении старца Воронова могли быть ещё и отголоском розыскного дела о дьяке следственной канцелярии Фёдоре Воронове⁶⁴, казнённом двумя годами ранее за тайную переписку с царевичем Алексеем. Следствие длилось до декабря 1723 года, и в итоге обвинения со старца Павла были сняты. Все немногочисленные личные вещи, письма и книги, изъятые при аресте, хранились у его сына, Андрея Воронова. При передаче имущества отца из Тайной канцелярии в 1721 году А. Воронов упоминается уже в звании вахмистра⁶⁵. То есть, его отставка, принятая в 1720 году, длилась недолго, и он продолжил службу в кавалерийском полку, где выполнял обязанности старшего унтер-офицера.

В конце жизни, как мы знаем из эпитафии, Андрей Петрович также оставался действующим офицером. Должность командира сенатской роты соответствовала капитанскому чину. Новое назначение в сенатскую роту он мог получить не ранее апреля 1724 года, когда «по приговору Сената» была учреждена «при Правительствующем Сенате для караулов и разсылок <...> пехотная рота с полным числом обер и унтер-офицеров»⁶⁶.

Но служба Андрея Воронова в сенатской роте оказалась недолгой. На его судьбу повлияла смена царствующей особы на Российском престоле и событие 1726 года, когда 27 мая из Верховного Тайного Совета был объявлен указ Сенату

«Об уничтожении Сенатской роты»⁶⁷. Повторное унижение, связанное с лишением престижной должности, могло сократить время жизни капитана Воронова. Если это так, то решение о месте упокоения пришлось принимать его отцу. Местом захоронения Андрея Петровича была избрана церковь в Волокобине, начало строительства которой совпало с его поступлением в воинскую службу. В эпитафии, по традиции, были указаны две даты для поминовения усопшего – день смерти и день тезоименитства.

* * *

И вновь вернемся к истории жизни монаха Павла Воронова. Следствие в отношении старца, как можно понять из сохранившихся документов, продолжалось около трёх лет. Наконец, в декабре 1723 года «по ведению Сената» его дело было передано в Синод. После краткого дознания в высшем духовном учреждении, 14 января 1724 года было объявлено снисходительное решение: «по требованию монаха Павла Воронова жить ему Сузdalской епархии в Троицком Шуйском монастыре в братстве до кончины жизни не исходить»⁶⁸. Названная в постановлении Синода Троицкая пустынь была приписана к Сузdalскому Спасо-Евфимиеву монастырю, но находилась на расстоянии версты от города Шуи⁶⁹. Дистанция от Шуи до усадьбы Вороновых составляла 25 верст. Видимо, натерпевшись одиночества и лишений в Петропавловской крепости, монах Павел испросил себе пребывание в обители поблизости от родового имения. Но и этот период его жизни трудно назвать мирным. Тяжёлым испытанием для него, как мы знаем, стала смерть сына (1727?). В епархиальных бумагах 1737 года сохранились жалобы Троицкого архимандрита на частые и долгие отлучки этого монаха из монастыря⁷⁰. В оправдание такого непослушания можно допустить, что в этих отлучках он, скорее всего, досматривал за состоянием усадебной церкви и местом похребения сына. Тем не менее, вследствие доклада архимандрита Моисея монах Павел был взят из Троицкого монастыря и переведён в Николо-Шартомский, под более строгий надзор. Но уже вскоре, в 1738 году по личной просьбе Воронова, дожившего «до глубочайшей старости и древности», он был возвращён на прежнее место в Троицкую пустынь.

О монашеских трудах старца Павла в Троицкой пустыни не осталось достоверных свидетельств. Но мы вправе предположить, что значительную часть своего неслужебного времени он отдавал книжности, в соответствии с уровнем грамотности царского стольника. Шуйский археограф В.А. Борисов в своём «Описании города Шуи и его окрестностей» (1851) приводит цитату из Описи Троицкого монастыря⁷¹, составленной при его закрытии (1765). Несмотря на зафиксированную в акте бедность монастыря, перечень книг по Описи включал 75 рукописей «разного духовного содержания». Внимание археографа привлекло упоминание Хронографа, «писаного уставом», без следов ветхости, как прочие книги. Как кажется, наличие новой рукописи исторического жанра среди книг

скромной обители можно связать с личностью монаха Павла, имевшего способности к составлению подобных книг. Например, среди личных вещей и бумаг, переданных его сыну Андрею Воронову из Тайной канцелярии в 1721 году, перечислены несколько рукописных книг. А именно: «книга в полдеть⁷² Грамматика письменная латинская, Канонник в полдеть письменный, Служба в полдеть на Полтавскую викторию, канон Дионисию и ерфилогия⁷³ в тетратах, канон Ефимию Сузdalскому в тетратах»⁷⁴. Эти «письменные» книги и тетради были не просто его личным имуществом, но наиболее вероятно, переписаны и переплетены его же рукой.

Несомненным раритетом библиотеки Троицкой пустыни был также некий «многосложный свиток», включённый в перечень книг монастыря. По компетентному мнению В.А. Борисова (1851), он мог быть составлен из «жалованных царских и княжеских грамот и различных актов, относящихся до монастыря Троицкого». Оценить в полной мере значение этого свитка мог образованный человек, имевший навык работы со старинными грамотами, что соответствует биографии Петра Воронова. Как было показано, он хранил свитки царских наказов на имя своего деда. Монастырский «многосложный свиток» позволяет объяснить ещё один эпизод монашеской биографии Петра (Павла) Воронова. В Архиве Сузdalского духовного правления сохранились сведения о том, что в 1732 году старец Павел настойчиво искал личной встречи с архиереем, которым тогда был епископ Гавриил (Русской). По распоряжению архиерея Троицкая пустынь в тот год была закрыта «за неимущество братства и монастырских служителей»⁷⁵. В те же дни старец Павел готовился принять полный постриг в Сузdalском Спасо-Евфимиевом монастыре⁷⁶. Но когда «стал он быть свёдом про отъезд Пресвятого епископа в Москву», то незамедлительно отправился вслед за ним, несмотря на свой почтенный возраст (80 лет). В объяснение столь неординарной личной инициативы для монашествующего лица можно допустить, что он, ради сохранения Троицкой пустыни, надеялся уведомить архиерея о содержании монастырских грамот из «многосложного свитка» и привести другие доводы против её закрытия. Известий о том, состоялась ли такая встреча, не сохранилось. Полный постриг старца Павла состоялся 12 июля 1732 года, после его добровольного возвращения в обитель. Но Троицкая пустынь была вскоре восстановлена в прежнем статусе и просуществовала ещё 33 года. Её окончательное упразднение последовало в 1765 году, по Высочайшему Указу, много позже кончины монаха Павла.

* * *

Усадебная церковь в селе Волокобино и её причт оставались на попечении дворянского рода Вороновых до середины XVIII века⁷⁷. Заботы о благоустройстве церковного строения и прилегающей земли принял на себя сын Андрея Петровича, гвардейский прапорщик Василий Воронов. Его имя сохранила для нас запись, сделанная им на вкладном Евангелии: «1749 году марта 10 дня построіль сие

святое Евангелие прaporщикъ Василий Андреев сынъ Вороновъ и приложилъ въ вотчину свою въ шуйской уѣзѣ въ село Богородское Волокобино тожъ къ церквамъ болголѣпному Господню Преображенію і къ Богоматери Смоленской честнаго і славного ея Одигитрия, по обещанію своему і въ поминование родителей своихъ въ память будущимъ родомъ»⁷⁸. Василий Андреевич благоустроил земельный участок возле церкви и обновил её колокольню. Как видно из хранившегося при церкви указа (1750), на тот момент она требовала реконструкции, поскольку была «весьма низкая <...> ниже настоящей церкви <...> окна колокольни ниже церковной кровли»⁷⁹. Восьмерик колокольни был надстроен на один ярус и украшен малым восьмериком. Тогда же была установлена церковная ограда, «невысокая каменная, старинного устройства». В официальных документах церковь именовалась Преображенской (по верхнему престолу).

После В.А. Воронова наследование по мужской линии прервалось и владельцами села с 1759 года стали представители фамилии Зубовых⁸⁰. С течением времени церковь сменила статус усадебной на приходскую, а позднее лишилась и собственного причта⁸¹, но место погребения в притворе сохранялось в неприкосновенности. События XX века не пощадили волокобинскую церковь, несмотря на формальное признание её памятником архитектуры⁸². Постепенно разрушаясь, здание простояло в запустении семь десятилетий, но даже в эти годы забытую могилу никто не потревожил. По неясной причине, перезахоронение праха А.П. Воронова произошло в конце XX века на одном из шуйских некрополей.

С марта 2003 года церковь стала подворьем Воскресенско-Феодоровского мужского монастыря. С благословения его первого наместника схиигумена Георгия (Ильина) началось восстановление Преображенского храма. Немало потрудился на этой ниве и священноинок Александр (Завьялов), служивший здесь с 2006 по 2007 годы. Он также стал соавтором первого исследования, посвящённого истории села (2008, 2012)⁸³. В период его служения место погребения в притворе было обозначено символическим надгробием, а уцелевшая часть плиты с эпитафией была помещена на подобающем месте.

Мемориал Андрея Воронова является собой пример духовной этики наших предков, воспринятой от православного Символа веры, из его заключительной

Преображенская церковь в Волокобино

части: «Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века». Действительно, даже разбитый, но непостижимым образом сохранившийся эпиграфический памятник воскресил имя достойного сына нашего Отечества, а вместе с тем оживил память и о других поколениях этого дворянского рода. Столъ же непостижимым образом время пощадило сельскую церковь, живописно украсившую издавна обжитой берег реки Люлех. Неординарный памятник отцовской заботы о «будущих родах» по сей день задевает живые человеческие чувства. Думается, что такое историческое наследие малой родины стоит того, чтобы к нему воочию могли приобщиться не только читатели этих строк, но и подросшие наши дети.

Автор приносит искреннюю благодарность д.и.н. А.Г. Авдееву за неоценимую консультативную помощь по эпиграфике. Также считаю необходимым выразить здесь глубокую признательность иерею Алексею Лихачёву, священноиноку Александру (Завьялову), а также сотруднику РГВИА К.В. Татарникову, исследователю В.Д. Огурцову и краеведу А.А. Шустову за предоставленные архивные данные и библиографические сведения, которые были использованы в этом очерке.

-
1. Топоним Волокобино, (по трактовке В.Д. Огурцова), составлен из двух слов – волок обинный. Село расположено в устье р. Люлех, перед её впадением в р. Теза. Речное судоходство здесь было затруднено, что потребовало прокладки протяжённого волока. Такой волок назывался обинный, т.е. огибающий «обиняком» непроходимую пойму реки.
 2. Юшков А.И. Акты XII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1. С. 267.
 3. Родословные росписи конца XVII века / сост. А.В. Антонов. М.: РГАДА. 1996. С. 120. Наказная память Разрядного приказа от 6 сентября 1617 г. о сопровождении астраханских ратных людей (стрельцов и юртовских татар) на «Государеву службу» в Вязьму.
 4. Там же, С. 120. Наказы Разбойного приказа от 12 февраля 1623 года и от 14 июля 1625 года с назначением к ссыкным делам в пяти уездах Костромской и Галицкой четей.
 5. РГАДА РП-18. Ед. хр. 137. Л. 4-11, 12-27.
 6. Димитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 года // Марийский археографический вестник. № 2. 1992. С. 63.
 7. «Приказал Государь быть объезжим головам: <...> за Москвою рекою, в остроге: <...> от Пятницкой улицы по другую сторону: Василий Яковлев сын Воронов да подъячей Семен Кондратьев». Дворцовые разряды. Т. II. СПб., 1851. Стб. 329.
 8. Акты Московского государства: Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571-1634. / под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. С. 523-524.
 9. Родословие Вороновых, подлинник (1686). РГАДА РП-18. Ед. хр. 137. Л. 39.
 10. В данном случае сбруя – это доспехи рейтара, экипировка конного воина.
 11. Саадак – колчан со стрелами в экипировке лучника.
 12. Сташевский Е.Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 75.
 13. Сташевский Е.Д. там же. С. 74-75. «Вологда 86 1/8 чети, Сузdal и Шуя 207 ч.; Владимир 90 ч.», и подмосковная вотчина «на приезд» 37 ч. Всего 420 1/8 ч.
 14. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 46, 459.
 15. Боярский список 1611 года. СПб., 1895. С. 14. В записях Г.Ф. Миллера фамилия приведена с искажением («Воронцов»), но редкое имя «Рохманин» и должность дьяка (ранее – по Вологде) не оставляют сомнений, что здесь назван именно Р.М. Воронов.

16. РНБ. Собр. Эрмитажное. № 394. Список вологодских дворян и детей боярских. 1613 г. Июнь. Л. 46об.
17. РГАДА РП-18. Ед. хр. 137. Л. 39, 1. В пятом колене родословия Яков и Иван – родные братья. У Ивана три сына: Андрей, Иван, Михайло. От Андрея было многочисленное потомство (7 и 8 колена). При этом мужские имена потомков Андрея по родословию 1686 года совпадают с именами наследников Муралея Воронова по землевладельческим грамотам XVII века. (Материалы и исследования по Рязанскому краеведению. Т. 10. Вып. 2. / сост. И.Ж. Рындин. Рязань, 2007. С. 183). Т.е., Андрей и Муралей – одно и то же лицо.
18. «Жильцы» составляли особый охранный отряд при дворце, который комплектовался из детей московских дворян. Осип Воронов служил жильцом с 13-ти летнего возраста. Павлов А.П. Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы жилемского разбора 1643 г) // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 338.
19. Ростисль Смоленской шляхте, которым велено быть на службе в разных городах. РГАДА, Ф. 145, Оп. 1, 1659 год, Столбец 1.
20. Родословие Вороновых (1686). РГАДА РП-18. Ед. хр. 137. Л. 39.
21. Явочная челобитная крестьян вотчины князя Михаила Яковлевича Черкасского, села Иваново, на крестьян вотчины Осила Васильевича Воронова // Наказ государя, царя Михаила Федоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом, чувашиими и черемисскими волостями. – [Кострома] : издание музея Д. Г. Бурылина, 1913. С. 15.
22. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. № 60. Кн. 11329. Л. 174, 141об. Писцовая книга 1629 года. «За Васильем Яковлевым Вороновым сельцо Волокобино; деревня Лашковка; пустошь Медведкова; деревня Лопырева, большая; пустоши: Лопырева меншая, Новцовонова тож, въ пустошахъ Высокой, Коршунихе, пустошь Дубовая, въ пустоше Ляжовой». Часть шуйского поместья Василия Воронова находилась в Ряполовском стане (две пустоши).
23. В замужестве Харламова. Генеалогия господ дворян, внесённых в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. / сост. М.П. Чернявский. Тверь. 1869. С. 39. № 218.
24. Владимирские губернские ведомости. 1860. № 53. Часть Неоф. С. 290.
25. Иванов П. И. там же. С. 81.
26. Савелов Л.М. Родословные записи Леонида Михайловича Савелова: опыт родословного словаря русского древнего дворянства М., Вып. 2. 1908. С. 129.
27. Родословная книга Князей и Дворян российских и выезжих. М., Ч. 2. 1787. С. 298.
28. Бычкова М.Е. Из истории создания родословных ростислей конца XVII века и Бархатной книги // Вспомогательные исторические дисциплины: сборник. Сб. 12. Л., 1981. С. 103.
29. РГАДА РП-18. Ед. хр. 137. Л. 1, 39, 39об.
30. Родословные ростисли конца XVII века / сост. Антонов А.В. М.: РГАДА. Археогр. центр. 1996. С. 120-121.
31. Иванов П.И. там же. С. 81..
32. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Московский стол. Книги. Ед. хр. 176. Л. 32. Имение находилось в деревне Соленая Гора. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 661. Л. 383.
33. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. СПб., Ч. 8. – [1807]. № 111.
34. Клировая ведомость 1-го благочинного округа Шуйского уезда 1884 г. ГАВО. Ф. 556. Оп. 109. Д. 427. Л. 107.
35. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 661. Л. 383.
36. Огурцов В.Д. «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале» // Исследования по источниковедению... М., 1996. С. 102. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Ед. хр. 469. Л. 389.
37. Копия с грамоты патриарха Иоасафа Московского и всея России. 1667 год. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М.: 1851. С. 433–435.
38. Макарьянц Б.Л. История Сказания о Шуйской иконе Богоматери по документам XVII в. и спискам XVII–XVIII вв. // Бурылинский альманах №1 (9) 2018. С. 5–9.
39. Макаров М.Н. Сузdalский летописец // Вестник Европы / ред. М. Каченовский. 1821. № CXX. С. 501. «Книга свидетельства чудотворного образа Пречистыя Богородицы Одигитрия и чудесем, что в Шуе» – хранится в ГИМ. собр. Уварова. № 196. Подлинник.
40. Макарьянц Б.Л. Похвала на икону Одигитрии Шуйскую: особенности гимнографии // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. Вып. XXIV. М., 2019. С. 174.
41. Храмовый праздник в этой церкви совершался 11 июля. Крылов А.П. Церковно-археологическое описание города Ярославля. Ярославль, 1860. С. 252. Позднее (с 1831 года) день 11 июля стал всецерковным праздником Шуйской иконы Богоматери.
42. Борисов В.А. Описание города Шуи ... М., 1851. С. 434. Посвящение престола нижнего храма в Волокобине отражено в записи В.А. Воронова от 10 марта 1749 года на вкладном Евангелии «в поминование родителей».
43. Опись церковного имущества Преображенской церкви села Волокобино Шуйского уезда Владимира епархии. 1894 г. ГАВО. Ф. 556. Оп.651. Д.1014. Л. 4об. В настоящее время местонахождение храмозданной грамоты неизвестно.
44. На допросе в Синоде (24.12.1723) старец Павел Воронов сообщил, что он «происходит из Московских дворян, в мире назывался Петром, служил стольником и десять лет тому назад, по обещанию, постригся в монашество и жил в Суздале в Спасо-Евфимиевом монастыре, <...>; от роду ему 71 год». Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (ОДДАС). Т. III. СПб., 1878. Ст. 661.
45. Послужной список братии на 105 лиц. Спасо-Евфимиев монастырь. 1730 год. РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Вязка 4. Ед. хр. 74. Л. 72. Исходя из данных братского списка, время его малого пострига приходится на 1720 год («лет от пострижения – 9»). Если сопоставить эту дату с его показаниями в Синоде, и временем взятия под стражу по делу А. Нарышкина, то время его испытательного срока («искуса») составило 8 лет (1713-1720).
46. Взлизоватый – имеющий взлизы, начинающий лысеть с висков.
47. Послужной список ... РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Вязка 4. Ед. хр. 74. Л. 87об.
48. В первой публикации текста этой надписи (Пожарский юбилейный альманах: Вып. 9. / ред.-сост. А.Е. Лихачев. М.: ЛАРГО, 2020. С. 37) были допущены неточности, поэтому здесь приводится его исправленный вариант.
49. Некрополь Донского монастыря Москвы в галерее Большого собора во имя Донской иконы Божией Матери.
50. «1737 году марта 9 дня по полуночи в 12 часу на памят(ь) сорок мученикъ преставися раба Божия садовой бол(ь)шой слободы купца васил(ь)я никитина сына горского жена его вдова неонила матвеева doch(ь) жития ея от рождения 42 лета 6 м(е)сяцов а тезоименитство ея октября 28 числа и погребена против сей таблицы».
51. РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.22. Л.107-107об.
52. Чин стольника здесь позволяет идентифицировать родство Андрея Воронова.
53. Полный текст его офицерской сказки помещён в разделе Приложения.
54. В аналогичном документе 1720 года записан иной возраст: «58 лет отроду». Причина такой ошибки, вероятно, кроется в контузии А.П. Воронова: «А ныне <...> я написан к отставке за ранами и за старостью и за болезнями, что в голове шум и правым ухом не слышу, и от повреждения головного мозга ночью случается всегда слабость...». (Офицерские сказки... Отставные и заполошные чины. Т. 1. М., 2017. С. 1202). Потеря слуха на правое ухо серьёзно затрудняла общение, что привело к неточной записи возраста Андрея Воронова. Зная его истинный возраст по сказке 1719 года, можно предположить, что запись 1720 года следует понимать как «50 лет и 8 месяцев».
55. Полковник Гурбанус Францискус Галант служил в полку с 1712 по 1718 годы. Полное имя подполковника – Людвиг Шхонман. Шустов В.Н. История 25-го драгунского Казанского полка. 1701-1901. Киев, 1901. С.53.
56. Каптенармус (от франц. capitaine d'armes), старший унтер-офицер, должностное хозяйственное лицо в полку, отвечающее за учет и хранение оружия, выдачу продовольствия, вещевого имущества и оружейного инвентаря.
57. Кригерихт (от немец. krieg gericht) – Военный суд.
58. Шустов В.Н. История... полка. С. 54-55. Полковой ротмистр В.Н. Шустов (1901) датирует решение военного суда 1715 годом. Но сказки, взятые у Андрея Воронова и Бориса Перфильева (1719-1720), указывают на 1714 год.

59. Драгунский капитан Борис Перфильев, разжалованный в солдаты, после реабилитации был записан в тот же Комендантский полк в звании прапорщика. Офицерские сказки... Гарнизонные войска. Т. 1. М., 2016. С. 372.
60. «Воронов Андрей, поручик Комендантского полка Санкт-Петербургского гарнизона. Произведен в капитаны и отставлен он службы». Офицерские сказки... Отставные и заполошные чины. Т. 1. М., 2017. С. 2532.
61. Ландрат – выборная должность при губернаторе, введённая Петром I. Ландрат должен был стать при нём советником по управлению, как представитель местного дворянства.
62. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. М., 1861. С. 334-335.
63. На запрос Обер-Секретаря Сената Ивана Познякова от 18 марта 1721 года, в тот же день последовал ответ о содержании обвиняемых, полученный лично от Петра Андреевича Толстого, руководителя Тайной канцелярии тех лет. Собрание документов... С. 350-351.
64. «Розыск о Дьяке Фёдоре Воронове» изобличил его втайной переписке с царевичем Алексеем посредством «цифирной азбуки». РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 53. Казнён 8 декабря 1718 года. Серов Д.О. Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 117.
65. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 2, 6. Прошение о возвращении вещей и бумаг было подано в ноябре 1720 года, а рассмотрено только 17 июня 1721 года.
66. Полное собрание законов Российской империи. Т. XI. СПб. 1830. С. 558-559. № 8499. Численность пехотной роты (по штату 1711 г.) – до 140 солдат и 10 младших офицеров.
67. Там же. Т. VII. СПб. 1830. С. 653. № 4891.
68. ОДДАС. Т. III. СПб., 1878. Ст. 661. № 608/283.
69. Под монастырской церковью Троицкой пустыни находилась родовая усыпальница дворян Кащинцовских. Борисов В.А. Описание города Шуи... С. 130. Прим. ***. Т.е., в некрополе Троицкой церкви покоились сродники монаха Павла по материнской линии.
70. Аноним (Н.) Шуйский Троицкий монастырь // Владимирские епархиальные ведомости. № 4. 1913. С. 90. В примечании № 4 дана ссылка на Архив Сузdalской духовной консистории за 1737 год, дело № 31.
71. Борисов В.А. Описание города Шуи... С. 129-132.
72. Формат листа сфальцованный в два сгиба (1/4), высота блока 20-24 см.
73. Искажённая транслитерация с греческого: Еιρμολόγιον, т.е. Ирмологий. Опись книг высокообразованного монаха составлял рядовой смотритель Тайной канцелярии. Списывая с титульного листа название книги, он, по незнанию греческого алфавита, произвольно передал греческие литеры русскими «аналогами».
74. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 4.
75. РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Вяз. 113. Ед. хр. 112, Л. 1-1 об. Цитируется по публикации: Огурцов В.Д. «Историческое собрание...», 1996. С. 102.
76. Указ из Архиерейского Духовного приказу Спаса Евфимьева монастыря архимандриту Питириму наместнику монаху Корнилию. РГАДА. Ф. 1203. Оп.1. Вяз.113. Ед. хр. 123. Л. 1.
77. Статус домового храма сохранялся около двух столетий. Черниховский Д.М. «Шуйские» дела в работе Археологических обществ Российской империи // Провинциальный анекдот. Вып. IX. Шуя, 2015. С. 43-44.
78. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии / сост. В.М. Березин и В.Г. Добронравов. Вып. 5. Владимир, 1898. С. 55.
79. Опись церковного имущества Преображенской церкви села Волокобино Шуйского уезда Владимирской епархии. 1894 г. ГАВО. Ф.556. Оп.651. Д.1014. Л.14. Вполне вероятно, колокольня имела шатровое завершение, что также считалось архаизмом.
80. Шустов А.А. Страницы истории села Богородское–Волокобино. Владимир, 2008. С. 19.
81. С 1881 г. приписана к приходу Всехсвятского погоста. Шустов А.А. там же, С. 35.
82. Постановлением СМ РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. здание церкви получило статус памятника архитектуры республиканского значения. Шустов А.А. там же, С. 39.
83. В соавторстве с краеведом А.А. Шустовым. Книга издана в 2008 году, а в 2012 году в интернете опубликована её вторая редакция, дополненная и исправленная.

И.А. Андреев

Необычный образ из с. Мордовское

Сложно удивить древний центр иконописи иконой, но в соседнем с Холуем селе нашелся необычный образ, достойный внимания. Причём интересен он не только с художественной точки зрения, но и историей своего создания, своим прообразом и дальнейшей судьбой.

В «Описи храма села Мордовского Вязниковского уезда», составленной в 1904 году священником Павлом Богословским, приводится подробное описание церковных предметов, среди которых упоминается изображение княгини Ольги, которое называется портретом, написанным «на холсте на деревянной рамке», а в графе «Годъ или векъ происхождения предметовъ» указана дата: XIX век.¹

Ольга рода Российских Владычица. 1701–1900. Холст, масло.
Из собрания Третьяковской галереи, инв.ДР-320*

* Изображение является собственностью ФГБУК «Всероссийское музейное объединение» «Государственная Третьяковская галерея», копирование, распространение или иное использование без согласования с правообладателем запрещено.

рез него и его дети, в числе которых был мой отец, Фёдор Васильевич Никонов, проживавшие в селе Мордовском, Холуйской волости. Подлинник этого образа находился, по-видимому, где-то в округе этого села, которым владели раньше князья Белосельские-Белозерские. Известно, что они происходили из рода Рюриковичей и, быть может, большой ценой где-то приобрели этот образ своей прародительницы. Известно к тому же, что многие из этих князей интересовались исследованиями вопросов старины и истории (см. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона). Мой отец, а может быть его брат Василий Васильевич, так же хорошо рисовавший тушью, срисовал этот образ на размер 60x80 см. Упомянутый рисунок тушью я прекрасно помню: он висел у отца на стене в его фотографии.

По-моему этот образ не является иконой, а лишь семейным портретом, написанным, однако, уже после принятия в 955 году Ольгою крещения. Русский живописец Андрей Рублев жил с 1360 по 1430 год, считается древнейшим и произведения его считаются бесценными. Во сколько же раз редкостнее и ценнее должно быть данное произведение византийского искусства X века. Имеются не проверенные сведения, что образ этот находился в церкви села Мордовского до самого ее закрытия на окне правого клироса, а после закрытия церкви будто бы до сих пор находится в Мордовском у кого-то на руках».

Позже рядом с печатным текстом сделано несколько пометок чернилами: «В 1964 выяснилось, что «на окне правого клироса» стоял не подлинник, а копия. Еще одна копия этой иконы находилась в Десятинной церкви г. Киева. В настоящие времена Мордовская копия разыскана и передана мною в Третьяковскую галерею».

Действительно, в Третьяковской галерее нашлась картина-икона^{ил.1} с изображением княгини Ольги. Посылка из города Шuya поступила в 1966 году, в ней находилось поясное изображение женщины, выполненное на холсте. Надписи вдоль нижнего поля сообщают: «Ольга роду русских владычица», а далее указывают на имя мастера: «делал Георгий иконописец Константина Порфирородного». Внутри неглубокого соснового киота на брусе, поддерживающем холст, расположена ещё одна надпись, выполненная чёрной краской: «Подлинник сего образа Св. Великой Российской Княгини Ольги Благоверной до крещения Прекрасной именуемой, писан от Р.Х. в X столетии как из Греческих подписей видно иконописцем Греческого Императора Константина Порфирородного находится во владении рода князей Белосельских-Белозерских древняя икона сия писана на доске от времени потемневшей и представляет собою любопытный памятник древнего искусства и введения в Россию Святой Христовой веры».

Надпись украшена снизу розовыми цветами, напоминающими цветы гвоздики, с листьями на длинных стеблях. Деление дверцы киота поперечной планкой на две неравные, отдельно застекленные части (верхняя соответствовала картине, а нижняя – надписи) позволяет предположить, что киот был изготовлен специально для данного произведения.

При осмотре самого изображения в первую очередь в глаза бросается то, что образ святой княгини Ольги напоминает скорее портрет светской дамы. Отмечается отсутствие нимба, необычность иконографии, а также наличие атрибутов, ей не свойственных: открытый сосуд – в одной руке и крышечка от него – в другой. На княгине поверх светлого платья зеленовато-коричневые одежды с широкими рукавами и меховым воротником, удлинённый конец которого спускается на грудь. Верхняя одежда препоясана широким поясом, завязанным на правом боку крупным узлом. На шее, на чёрном шнурке – четырёхконечный крест с крупными жемчужинами на трёх ветвях. На голове – прозрачная вуаль и головной убор, напоминающий кокошник, зеленовато-синего цвета с узором золотого шитья и крупной брошью по центру с камнями и жемчугом. Ольга изображена на фоне ткани (возможно, спинки трона) зелёного цвета с жёлтым узором, составленным из вазона в окружении мелких цветов, напоминающих незабудки и фиалки. Пространство ограничено арками, опирающимися на капители сложной формы.³

Это изображение коренным образом отличается от принятых в русской иконописной традиции образов княгини. Так, в палехском иконописном подлиннике начала XVIII века под днём памяти святой приводится подробное описание: «святая праведная великая княгиня Российская Ольга, наречённая во святом крещении Елена, баба великого князя Владимира; подобием стара, лицом морщиновата и бела, на главе венец царский и платок, ризы на ней как у княгинь первых Российских, носивших платье княжеское; в руке свиток, а в нём написано: «Попрах идолы и познах истинного Бога Иисуса Христа».⁴

На иных иконах XV-XVI веков княгиня Ольга изображается в просторном платье, плаще, с покрывалом на голове и в зубчатой короне на нём. Обычно руки её сложены на груди, или же в правой руке святая держит крест, а левой указывает на него.⁵

